

КАБАНЧИК

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юрий Константинович Огородников — 56 лет.
Василий Прокофьевич Богоявленский — 56 лет.
Оля, его дочь — около 18 лет.
Мария Бонифатьевна Кашина — 42 года.
Алексей — около 18 лет.
Людмила Яковлевна Баскакова — 29 лет.
Молодой человек.
Девица — возраст неопределенный.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Крымский дворик. Он расположен на склоне. Местность неровная, и постройки находятся на разных уровнях. Видна часть скромного дома с террасой. Садовый стол. Сарай. Стена сарайя, что на зрителя, открыта. Может быть, она затянута чем-то прозрачным, и по мере надобности, когда действие происходит внутри сарайя, заставка просвечивает. Около террасы стоят чемоданы. Во дворе хозяин дома Юрий Константинович и Василий Прокофьевич.

Василий Прокофьевич (осматривая двор). Неплохое владение. И море как на ладошке.

Юрий Константинович. Я нарочно тогда на отшибе построился — и дешевле, и шума меньше.

Из дома выходит Оля, в руках у нее почтовый конверт.

Оля. Юрий Константинович, у вас где почта?

Юрий Константинович. Как спустишься, прямо в нее и упрешься... Ты оставь письмо. Я завтра в Симферополе буду, там и брошу. Быстрей дойдет.

Василий Прокофьевич. Ты куда?

Оля. Выкупаюсь.

Василий Прокофьевич. Чемоданы разбирала?

Оля. Успеется. (Положила на столик письмо и ушла.)

Василий Прокофьевич (вслед дочери). Далеко не заплывай.

Юрий Константинович. Не бойся, не дадут, по радио отгонят. (Подошел к садовому столику, на который Оля положила письмо, взял его, хочет отнести в дом.)

Василий Прокофьевич. Дай-ка конверт. (Взял у Юрия Константиновича письмо, прочел адрес, отдал письмо обратно.) Не вези ты эту погань в Симферополь, разорви и выбрось... в мусорную урну.

Юрий Константинович. Она у тебя младшая?

Василий Прокофьевич. Единственная.

Юрий Константинович. Что так?

Василий Прокофьевич. Все дела были, дела. Чуть и одну-то не прозевал.

Юрий Константинович. Сколько ей?

Василий Прокофьевич. Вот-вот восемнадцать.

Юрий Константинович. Сторожишь?

Василий Прокофьевич. Парень паршивый. Из моего же института, третий курс, учится с хвостами. Надо было мне его со второго турнуть... Юра, я тебе насчет племянницы писал. Не удалось?

Юрий Константинович. Сделал. Гостиница «Южная». Отбой дать, что ли?

Василий Прокофьевич. Нет, нет. Почему?

Юрий Константинович. А где она?

Василий Прокофьевич. Подъедет. Я же не знал, удалось ли. Спасибо тебе. Это двоюродной сестры дочь. Кашляет чего-то, на грудную боль жалуется. Пусть хоть неделю вашим воздухом подышит, на солнышко пожарится.

Юрий Константинович. У нас все болячки как рукой снимет. Я ее правильно записал — Людмила Яковлевна Баскакова?

Василий Прокофьевич. Точно! Врач она, кандидат наук.

Юрий Константинович. Это не обязательно.

Василий Прокофьевич. В двадцать девять уже кандидат!

Юрий Константинович. Способная.

Василий Прокофьевич. Талант... Надо телеграмму дать, пусть вылетает.

Юрий Константинович. Так у меня телефон. Позвони, проще будет. Вот на терраске, слева.

Василий Прокофьевич (*встал, идет к телефону*). У тебя и телефон, шикарно.

Юрий Константинович. Начальство вожу. Иногда и ночью вызвать могут.

Василий Прокофьевич. ЧП какие бывают?

Юрий Константинович. Не без этого.

Василий Прокофьевич. Как набрать?

Юрий Константинович. Сначала код — 89-095, потом ваш московский, а мой — там, на телефоне, — 7-92-94.

Василий Прокофьевич (*набирает номер*). Обрадуется... (*В трубку.*) Алло, Людочка! Это я, дядя Вася. Вылетай, гостиница «Южная»...

Юрий Константинович. Номер 74. Пусть скажет: от Волосюка.

Василий Прокофьевич. ...номер 74, скажешь — от Волосюка. Во-ло-сюк, первая буква «в», Виктор, Во-ло-сюк... Нет, нет, не «ук», а «юк», Волосюк... Теперь верно. Нет, нет, на конце не «г», а «к», Клавдия... Вот теперь совершенно правильно: Волосюк! Завтра?.. Может, удастся сегодня? Позвони. Здесь телефон 7-92-94... Да, 7-92-94... Записала? Звони в аэропорт. Жду... Все! (*Кладет трубку.*) Волосюку скажи от меня спасибо, Юра... Уж сколько всяких домов отдыха, санаториев строим, и все не хватает.

Во время телефонного разговора Юрий Константинович ушел в дом и вернулся с полным кувшином и двумя стаканами.

Юрий Константинович. Страна в основном — север, юг — мало. Вот в сезон сюда вал и катит. Все богатые стали, всем курорт требуется.

Василий Прокофьевич. Мы тебе тут назовим на сто рублей. Я заплачу, Юра, не беспокойся.

Юрий Константинович. Не смеши, Вася.

Василий Прокофьевич. Дело не в деньгах. Не люблю на чужих хлебах...

Юрий Константинович. Ты еще скажи — за жилье мне заплатишь, за харчи.

Василий Прокофьевич (*несколько растерянно*). Ну ты... в самом деле... Если что... смотри сам...

Юрий Константинович. Я ценю деньги, Вася, но в данном случае ты, как говорит мой напарник, перегнул веник. Это я тебе заплатить должен... И если что...

Василий Прокофьевич. Сума ты сошел!

Юрий Константинович разлил напиток по стаканам.

Местное?

Юрий Константинович. Сок виноградный. Вино пью редко, работа не позволяет, гону много. Сейчас особый санаторий строят. Туда — сюда...

Чокаются.

Василий Прокофьевич. Будь здоров, Юра, за твоё гостеприимство!

Юрий Константинович. Тебе с благодарностью.

Во двор входит Алексей. Это худой, загорелый чуть не до черноты парень с острыми чертами лица. Не скажешь — красив, но что-то особо привлекательное в нем есть. Может быть, в повадке, в движениях. Они вольны и пластичны, как у зверька. В руках Алексея мешок с какой-то тяжестью.

Достал?

Алексей. Вот! (*Бросает мешок около дома.*)

Юрий Константинович. Знакомся — Василий Прокофьевич.

Алексей (*настороженно*). Здравствуйте.

Василий Прокофьевич. Приветствую вас, молодой человек.

Алексей. Алексей...

Василий Прокофьевич. Что-то солнце печет, чепчик надо надеть. (*Пошел в дом.*)

Алексей. Это тот, московский?

Юрий Константинович. Он.

Алексей. Может, мне пока куда убраться?

Юрий Константинович. К чему это! Они чужие, не бойся... Поди схвати кусок, голодный, наверно. Я тебе там поставил.

Алексей уходит в сарай, где на столе приготовлена еда.

Василий Прокофьевич (*выходя из дома, показывая в сторону уходящего Алексея*). Чей это?

Юрий Константинович. У меня пока квартирует.

Василий Прокофьевич. Снимает, что ли?

Юрий Константинович. Так... приблудный... помогает...

Василий Прокофьевич. Странный парень.

Юрий Константинович. Есть малость... Ты не обращай внимания.

Василий Прокофьевич. Учится? Работает?

Юрий Константинович. Работает.

Василий Прокофьевич. Где?

Юрий Константинович. Где придется. Так сказать, в поисках.

Василий Прокофьевич. Много их сейчас — путаных.

Юрий Константинович. Я же говорю — странный.

Василий Прокофьевич. Ну, если еще неполноценный — туда-сюда, сам, как говорят, бог велел! А то... Я у себя в институте со всякими фруктами встречаюсь. Приходят тихие, а уж к концу первого курса наглеть начинают. Но у меня, Юра, к ним подход простой. Вызову: вот что, друг

ты мой милый, или ты будешь вести себя, как все, или вот тебе бог, а вот порог... Действует!

Юрий Константинович. Тебя боятся: ректор.

Василий Прокофьевич (показывая на мешок, который принес Алексей). Что это он приволок?

Юрий Константинович. Кое-какой ремонт произвожу... Запустил хозяйство...

Василий Прокофьевич. Что так?

Юрий Константинович. Да-... (Махнул рукой.)

Василий Прокофьевич. Вот как у тебя все повернулось... Знаешь, Юра, может, и к лучшему. Вот я, можно сказать, удачно свои годы пахал, а, думаешь, счастливее тебя?

Юрий Константинович. Подбадриваешь, что ли?

Василий Прокофьевич. Чудак, я откровенно. А что тебя так перекосило?

Юрий Константинович. Реальность. Что я тогда в Ярославле имел? Школьный учитель. Сам знаешь, какая зарплата. А мы с Катей рожали четверых. Кате — или детей бросать, или — с работы. Детей не бросишь. Зарплата одна. Бились-бились. Мне один умный человек и посоветовал... Не сразу, конечно, у меня тут все появилось. Но приспособился. А шофер... Ты если помнишь, я в армии в танковой служил, водил машину.

Василий Прокофьевич. Да, помню, помню.

Юрий Константинович. Природа богата, у нее на каждого по персональной судьбе — двух одинаковых не отштампует. Авось, в детях посчастливится.

Василий Прокофьевич. А где они теперь?

Юрий Константинович. Разлетелись. Им большие города подай... Старший на корабле плавает.

Василий Прокофьевич. А жинка?

Юрий Константинович. Похоронил. Три с половиной года. Вот теперь тут и кукую в одиночестве. Возводил, возводил, а получается — вроде и на кой лешний... В отпуск кто из ребят и заглянет, и то не каждый год... Не все еще оперились, помогаю некоторым.

Василий Прокофьевич. Крепко зарабатывашь?

Юрий Константинович. Зарплата обычная. Ну, за классность, конечно... Но по нынешним ценам не разгуляешься.

Василий Прокофьевич. Прирабатывашь?

Юрий Константинович. Редко. Когда начальство на аэродром или на вокзал вожу, обратно прихватываю.

Василий Прокофьевич. Попадаются?

Юрий Константинович. В сезон они на пустую машину, как волки, кидаются.

Василий Прокофьевич. Да, да, мы с Олей тоже еле-еле поймали. Вчетвером сели, по десятке с человека.

Юрий Константинович. Такса.

Василий Прокофьевич. А если милиция остановит?

Юрий Константинович (смеется). А тут все знакомые.

Василий Прокофьевич. Хозяин неплохой?

Юрий Константинович. Нового прислали... Энергичный. Авось порядок наведет.

Василий Прокофьевич. А прежний где?

Юрий Константинович. Перевели... в другой город.

Василий Прокофьевич. Уж не того ли ты возил, что загремел?

Юрий Константинович. Его. Слышал о наших событиях?

Василий Прокофьевич. А как же. Говорят, у вас вместе с ним человек шестьдесят прошерстили. Тебя не трогали?

Юрий Константинович. А что извозчик знает? Куда барин приказал, туда и гони.

Василий Прокофьевич. Это надо же! Такую должность иметь и так хватать. Говорят, миллион...

Юрий Константинович. Погано, конечно. Но как, понимаешь, не брать, когда тебе сами в руки суют. Сначала предмет какой-нибудь преподнесут — сувенир вроде на память в знак благодарности, потом вешичку и подороже, с камушками, а там уже и сухими шелестят, в пакетах подносят. Человек что — существо слабое... Попервой ежатся: нет-нет, что вы! Потом устают сопротивляться, надломятся. Тут уж и пошло, чувство меры теряют. Вроде себя уж и выше закона считают. А тут, глядь, закон! И крышка... Шумело здесь, верно... Миллион? Ну, не думаю... Хотя и возможно.

Из сараев выходит Алексей.

Алексей. Юраша, что еще делать?

Юрий Константинович. Черепицу сложи.

Василий Прокофьевич. Между прочим, что же это вы так, молодой человек. Юрий Константинович вам в отцы годится, нехорошо его Юрашкой звать.

Алексей. Я не Юрашка сказал — Юраша.

Василий Прокофьевич. Не вижу разницы.

Алексей. Почему же? Юрашка — уничтожительно. Юраша — ласкально. Суффикс другой. Ванюша, Манюша, Петюша, Ванька, Манька, Петька...

Василий Прокофьевич. Я с грамматикой, молодой человек, тоже в школе знакомился.

Юрий Константинович. Иди, Леша, иди. Косяк у двери еще промерь, что-то туто ходит.

Алексей ушел, работает в стороне.

Василий Прокофьевич. Хамло он у тебя, Юра.

Юрий Константинович. Да нет, нервный слегка. Я же сказал тебе — странный.

Василий Прокофьевич. Еще ученость свою показывает, мезугга. Действительно, видно — у него тут (показывает на голову) неладно.

Юрий Константинович. Теперь, знаешь, у кого тут ладно, у кого неладно, не разберешь... А ты приварок имеешь или зарплатой пропавляешься?

Василий Прокофьевич. Ну, еще лекции... А какой же у нас может быть приварок, откуда?

Юрий Константинович. Говорят, чтобы в вуз попасть или в университет, большие деньги надо. Проходной балл, говорят, пять тысяч.

Василий Прокофьевич. Чепуха, чепуховская чепуха! Один какой-нибудь объявится, а уж тень на весь плетень.

Юрий Константинович. Это точно.

Василий Прокофьевич. Мне хотят двадцать пять тысяч предложи, так по шее тяпну, духу чтоб не было!

Юрий Константинович. Вы на виду, опасно.

Василий Прокофьевич. Не в этом дело, Юра.

Юрий Константинович. И в этом, Вася. Зевают во весь рот. Все на сознательность жмут. Фикция это, обман. Самообман в лучшем случае. Человек еще не на той стадии развития. Дай ему волю, он возьмет две. Я такие тут фортея видел... Нет, человек при полной свободе действия совсем странными радостями себя тешит.

Василий Прокофьевич. Чем именно?

Юрий Константинович. Замнем для ясности. (*Снова наливает сок.*)

Пьют.

Очень я рад, Вася, что ты приехал, от души, и спасибо тебе за Никитку.

Василий Прокофьевич. Я-то при чем? Твой Никитка парень отличный. Говорил с ним, вызывал. Держать себя умеет, скромный. Я ему пару вопросов бросил. Сократ! (*Смеется.*)

Юрий Константинович. Вот за то и спасибо.

Василий Прокофьевич. Ты Ольге пока не говори, что я племяннице устроил. Они в стычке по каким-то своим бабым делам. Я и Людмиле не сказал, что с Ольгой, а то ни за какие бы не поехала... На ножах они...

Юрий Константинович. Встретиться могут. Городишко-то в общем невелик.

Василий Прокофьевич. Это уж их дело. Важно — не я устраивал... Слушай, я, когда от тебя письмо получил, удивился: как ты узнал, где я, кем?

Юрий Константинович. Чудак! Я газеты все-таки читаю. Еще в позапрошлом году, когда Никитка в девятом учился, у вас юбилей был, сто двадцать пять лет основания. В «Известиях» смотрю: В. П. Богоявленский — фамилия в наше время не такая уж частая. Не ты ли, думаю. Навел справки через знакомых. Ты! Записал на всякий случай.

Телефонный звонок. Слышно, что иногородний.

Василий Прокофьевич (*бросившись к телефону.*). Мне, наверное. (*Взял трубку.*) Да, да, я... Удалось?.. Последним?.. Я узнаю, когда... подожди минутку. (*Обернулся к Юрию Константиновичу.*)

Юрий Константинович. Скажи, пусть сядет на троллейбус. Мы на троллейбусной станции встретим.

Василий Прокофьевич (*в трубку*). Садись на троллейбус, мы здесь встретим... Ну, Юрий Константинович и я... Все! Счастливого полета, жду... (*Положил трубку.*) Молодец! (*Ходит по двору.*) Значит, час сорок лету, потом два часа ехать...

Юрий Константинович. Ты не высчитывай. Я минутой не ошибусь, встретим.

Василий Прокофьевич. Ну, молодчина, молодчина! Ты не возражаешь: дойдем до гостиницы, номер посмотрим?

Юрий Константинович. Все есть: ванная, телевизор, холодильник...

Василий Прокофьевич. Ну давай цветочки ей поставим, что ли, фруктов купим. Пусть радуется. Курорт так уж курорт... Славная девочка.

Юрий Константинович. Каждой бы племяннице по такому

дядюшке... Теперь все хоть и родня, а в разнотык. У одних грузин родственные связи еще сохранились.

Василий Прокофьевич. Что ты на меня так ехидно смотришь?

Юрий Константинович. Вася, возьми в расчет: я никогда ничего лишнего не замечаю.

Возвращается Оля.

Ну как?

Оля. Весьма!

Юрий Константинович. Тут толкотня, а вам на закрытый пляж пропуск возьму, там лучше.

Оля. Зачем? Мне здесь понравилось.

Юрий Константинович взял корзину, ушел на задний двор. Оля развещивала полотенце и купальник на веревке.

Поздравь, ко мне уже какой-то усатый kleился. Я произвожу впечатление, имей в виду.

Василий Прокофьевич. Ты смотри!

Оля. Назло тебе пущусь в загул.

Василий Прокофьевич. И письмо зря посылаешь, не успела приехать...

Оля. Расслабься, папа!

Василий Прокофьевич. Пусть хотя бы он первым написал. А то вроде как на шею вешаешься.

Оля. Пойди, выкупайся... Освежись, помолодей.

Возвращается Юрий Константинович с корзиной, полной фруктов.

Юрий Константинович. Двинулись, Вася!

Оля. Куда это вы?

Юрий Константинович. Занесу дары природы племяннице, у нее день рождения. Папа со мной прогуляется.

Василий Прокофьевич. Ты никуда, смотри!

Оля. Носи меня с собой в кармане.

Василий Прокофьевич. Выпей соку, отличный.

Василий Прокофьевич и Юрий Константинович ушли. Алексей возится с оконной рамой. Оля принесла из дома московские сладости, наливает сок, пьет. Сзади Оли в сарай проходит Алексей.

Оля (*вздрогнув*). Вам кого?

Алексей. Я живу здесь, работаю. (*Уходит в сарайчик.*)

Из-под горы во двор поднимается усатый Молодой человек в шортах.

Молодой человек. Через ваш двор кверху подняться можно?

Оля. Я не знаю. Попробуйте.

Молодой человек. Вы, как догадываетесь, приезжая? Беленькая вся.

Оля. Через неделю стану черненькая.

Молодой человек. Не надо черненькой. Доктора находят — много солнца нехорошо для здоровья.

Оля. Что ж вы докторов не слушаетесь?

Молодой человек. Глупый!.. Можно присесть?

Оля. Пожалуйста.

Молодой человек. Москва? Ленинград?

Оля. Мы из Костромы.

Молодой человек. Это что — город?

Оля. Село на Волге.

Молодой человек. Всегда плохо учился по географии. Но заметил: самые красивые девушки живут в самых глухих местах.

Оля. Прячутся.

Молодой человек. Именно. А спрашивается: зачем? Красоту нехорошо скрывать, красота облагораживает человека.

Оля. Это вам по телевизору рассказывали?

Молодой человек. Зачем! Я сам чувствую. Вот гляжу на вас и испытываю приятное чувство.

Оля. Спасибо.

Молодой человек. Это вам спасибо.

Оля. За что?

Молодой человек. За то, что вы такая красивая.

Оля. Как бы у меня голова не закружилась.

Молодой человек. У меня уже.

Оля. У папы есть с собой лекарства, но я не знаю, какие от головокружения.

Молодой человек. Я знаю. Надо нам с вами вечером посетить ресторан, немножко выпить хорошего вина, немножко потанцевать. «Интурист» — это очень прилично. Все вежливо, никаких хулиганов.

Оля. «Интурист» — это, наверное, только для иностранцев?

Молодой человек. Двадцать пять рублей в ладошку, и мы сразу зарубежные гости.

Оля. Я вижу, вы там часто бываете?

Молодой человек. Надо же где-то хорошо кушать... Ваше имечко, если не секрет?

Оля. Ира.

Молодой человек. Ирочка — это очень славно. И сразу видно — вы из хорошей семьи.

Оля. Это уж кому как понравится.

Молодой человек. И кем работает ваш папа?

Оля. Мой папа — начальник КГБ района.

Молодой человек. Да... это на любителя... Но лично я очень уважаю людей такой профессии.

Оля. А вас как зовут?

Молодой человек. Зовите меня просто Абрек. Абрек — это значит разбойник. Меня в школе все так дразнят, и мне нравится.

Оля. Вы в школе работаете?

Молодой человек. Я учусь.

Оля. Вы школьник?

Молодой человек. Да. Но уже в десятом классе. Вас это смущает?

Оля. Я думала, вы учитель.

Молодой человек (*счастливо*). Да что вы!.. Ирочка, могу ли я надеяться на сегодняшний вечер? Мне очень хочется с вами дружить.

Оля. Видите, не знаю, что скажет папа... Как же вы не нашли себе в друзья кого-нибудь из местных?

Молодой человек. Скажу откровенно, боюсь.

Оля. Чего?

Молодой человек. Мало ли, ребята предупреждали...

Оля. Надо было приехать с подругой. Вон вы какой красавец. Вам, наверное, девочки в классе на шею вешаются.

Молодой человек. Совершенно не угадали. В этом смысле я, по-моему, неудачник. Наверное, во мне мало секса. Деньги есть, а секса мало. Это нехорошо.

Оля. Нет, вы действительно десятиклассник?

Молодой человек. Спросите что-нибудь из химии.

Оля. И не сидели в одном классе по два года?

Молодой человек. Зачем? Кому я так долго нужен?

Оля. Значит, вам шестнадцать?

Молодой человек. Ирочка, вы, я замечаю, рассуждаете как северянка. На юге все расцветает и созревает раньше. Ровно через двенадцать дней мне исполняется семнадцать. Это уже возраст. (*Берет Олю за руку выше локтя*) Ирочка...

Оля. Это не позарез... (*Отстраняет его*.)

Молодой человек. Какая у вас красивая, нежная ручка... (*Снова берет Олю за руку, но уже более энергично*.)

Оля. Пусти сейчас же! Я скажу отцу.

Молодой человек. Но ты же врешь про своего папу, я сразу понял. Разве такой пapa жил бы в этой сакле. Ему санаторий другого класса полагается. (*Снова атакует Олю, уже хочет обнять*.)

Оля (очень громко). Брысь! Тебе говорю, не смей липнуть!

Из сарай выходит Алексей. В руках у него одноручная пила. Он видит борьбу Оли с Молодым человеком. Не спеша подходит к ним.

Алексей (*Молодому человеку*). Тебе сначала руки отпилить или голову?

Оля. Он, видишь, спрашивал, можно ли через этот двор пройти в горы.

Алексей (*Молодому человеку*). А ты не спрашивал, где теперь твоя прабабушка? А то я могу прямую дорогу туда показать.

Молодой человек (*уходя, кричит издали*). Замечу тебе, грубое животное, моя прабабушка еще жива, я ее без тебя увижу. (*Уходит*.)

Оля. Он, оказывается, школьник.

Алексей. У нас в классе тоже один переросток был, мы его «дядя Федя» называли... Чего ты запищала, Ирина?

Оля. Меня Олей зовут.

Алексей. А-е-е... понял.

Оля. Пристал, слюнявый!

Алексей. Сама напросилась.

Оля. Ты что!

Алексей. Не глухой. Весь ваш треп слышал. Флirt.

Оля (смущаясь). Слышал?

Алексей. Хотел уши заткнуть от смущения.

Оля. Я просто так... в шутку.

Алексей. Мне что, хоть всерьез. Тут по этой части клев отличный.

Оля. Как тебе не стыдно!

Алексей. Курорт!

Оля. Садись. Хочешь конфет московских. (*Протягивает Алексею конфеты*.)

Алексей. А-а-а... «Мишка на севере». (Берет конфету, разглядывает обертку, разворачивает ее сразу.) Оттуда...

Оля. Откуда?

Алексей не отвечает.

Московские.

Алексей. Именно.

Оля. Юрий Константинович тебе родственник?

Алексей. Только душой.

Оля. А кто твои родители?

Алексей. Я сирота. Круглая. Круглый.

Оля. А кто они были?

Алексей. Не помню.

Оля. Рассказывали, наверно?

Алексей. Кто?

Оля. Кто знал.

Алексей. Никто не знал.

Оля. Серьезно?

Алексей. Ты спрашиваешь, я отвечаю.

Оля. Совсем-совсем ничего не помнишь?

Алексей. Так, иногда просвещивает что-то.

Оля. Что?

Алексей. Вроде отец шахтер был, погиб в завале, а мать с горя умерла...

Оля. Правда?

Алексей. А иногда другое кажется. Горел дом, меня успели вытащить, а отец с матерью хотели что-то из имущества спасти, не успели, крыша рухнула. Пожар, пламя...

Оля. Сочиняешь...

Алексей. Может быть. Говорю: не помню.

Оля. Учишься?

Алексей. А зачем? И так интеллигенции развелось больше, чем требуется. (С аппетитом ест конфету.) Мне снилось, мать такие конфеты любила.

Оля. Новый вариант?

Алексей. Я сказал — снилось. Мне иногда снится, будто я в роскошной квартире. Особняк, арабская мебель, резьба, завитушки, французские шторы, хрусталь... и почему-то большой серебряный самовар на особой тумбочке красного дерева. И у меня библиотека — Всемирная литература, альбомы, все подписные издания...

Оля. Что-то ты крутишь, понять не могу.

Алексей. Просыпаюсь в холодном поту.

Оля. Это уж совсем глупо. Почему — в поту?

Алексей. Сон есть бред нормального человека.

Оля. Все врешь.

Алексей. Что?

Оля. Будто тебе такие сны снятся.

Алексей. Не вру, фантазирую. Видишь ли, круглый сирота имеет свои определенные преимущества. Первое — он свободен от самых крепких уз. Значит, полная воля. Второе — можно вообразить свое прошлое в любом измерении. И третье, самое важное — он может умереть спокойно, никого не пожалеет.

Оля. Туманно.

Алексей. Разве?

Оля. Работаешь?

Алексей. Тружусь.

Оля. Где?

Алексей. Где придется. Разнорабочим. Сейчас санитаром в больнице. Брат милосердия, даже, пожалуй, нянька. Сутки дежурю, двое отдыхаю.

Оля. Чего там делаешь?

Алексей. Все, что положено. Полы мою, белье перестилаю, горшки приношу-выношу, и даже, пардон, зады приходится подтирать.

Оля. Ну тебя!

Алексей. Великое дело! Мне одна бабушка лет под девяносто изрекла: «Милок, много я на свете неприятностей и горя видела, но ничего нет гаже, чем в собственном дерьме лежать». Тебя шокирует?

Оля. Это все правда?

Алексей. В данном случае не сон.

Оля. Занятный ты человек...

Алексей. И на том спасибо.

Оля. Ешь еще конфеты.

Алексей. Благодарим за сострадание. (Берет конфету.) Сохраню на память. (Убирает конфету в карман.)

Оля. Ты добрый.

Алексей. Я злой. И учти — очень злой... сильно.

Оля. Друзья-то у тебя есть?

Алексей. Целая свора бегала. Сплыли.

Оля. Почему?

Алексей. Мамы отпугнули: не дружи ты с этим уголовным типом.

Оля. Почему уголовным?

Алексей молчит.

Ты в тюрьме был?

Алексей. Не удостоился.

Оля. Но судили?

Алексей. Меня — нет.

Оля. Связан был с уголовниками?

Алексей. Косвенно.

Оля. В шайке?

Алексей (смеется). Именно!.. Все! Конец! Меняем тему.. Ты в Крыму впервые?

Оля. Но хоть девушка-то у тебя есть?

Алексей. Была.

Оля. Тоже сплыла?

Алексей. Все сплыли! (Опять желая сменить тему разговора.) Отдыхать приехала?

Оля. Как сказать.

Алексей. Лечиться?

Оля. Приблизительно. Родители увезли.

Алексей. Откуда?

Оля. Из Москвы.

Алексей. Это я знаю. В каком смысле увезли?

Оля. Смеяться будешь.

Алексей. Давай! Люблю анекдоты.

Оля. Именно. От одного человека думают отвадить.

Алексей. Догадываюсь.

Оля. Родительское внимание.

Алексей. Ну вот видишь, я от подобных забот избавлен, завидуй.

Оля. Нет, мать добрая. И отец толковый, он ректор института.

Алексей. У-у-у! Жутко.

Оля. Я бы не поехала, но Артем все равно сейчас к своим в Новосибирск улететь должен. Родители — они забавные.

Алексей. Не то слово!

Оля. Нет, ты понять этого не можешь.

Алексей. Почему? У меня воображение.

Возвращаются Юрий Константинович и Василий Прокофьевич.

Василий Прокофьевич (дочери). Не скучаешь?

Оля. Мы с ним разговаривали. (Показала на Алексея.)

Юрий Константинович. Его Алексей зовут.

Оля. Алеша, я даже твоего имени не спросила...

Алексей. Не все ли равно.

Василий Прокофьевич (дочери). И чемоданы не разобрала.

Оля. Разговорились.

Василий Прокофьевич. О чём же беседовали?

Алексей (Оле). Расскажи папе подробно, чтобы не нервничал.

Василий Прокофьевич. У меня, молодой человек, нервы настrenированы, свои побереги!

Оля. Папа!

Алексей. Я испугался.

Василий Прокофьевич (Оле). Пойдем разберем.

Василий Прокофьевич и Оля уходят.

Юрий Константинович. Ты помягче с ним, не зли.

Алексей. Понял, Юраша. По-моему, он ихтиозавр.

Юрий Константинович. Нет. Знаешь, товарищ отличный был, веселый... староста курса... выручал ребят, меня в том числе. Я с историком нашим схлестнулся, меня чуть не турнули. Василий бился... отстоял... Теперь, видать, поизносился. Знаешь, как трудно управлять вашим братом. Я, когда в школе преподавав начал, думал — с ума сойду. Гудят, записками бросаются, друг друга подталкивают, нарочно дикие вопросы задают, мелкие пакости строят. Вы народ загадочный. Ну а потом с ними как-то наладил. Мы когда с Катей из Ярославля уезжали, они на вокзал чуть ли не всей школой пришли. Я, знаешь, даже оторопел. Слезу вышибло...

Алексей. Его не пойдут провожать. Разве что за гробом, в порядке учебной дисциплины.

Юрий Константинович. Говорю — поизносился. Расконтчил.

Алексей. Не переношу этот высокомерный тон.

Юрий Константинович. А я, знаешь, заметил: такой тон тогда у людей появляется, когда у них с виду все хорошо, а на самом деле где-то всерьез заклинило. (Пауза.)

Ты мою Екатерину Дмитриевну помнишь?

Алексей. Конечно. Голос у нее красивый был, мягкий. Скучает?

Юрий Константинович. Да... пустовато. (Пауза.)

Алексей. Может, Юраша, мне, действительно, хотя бы на время

отчалить отсюда? А то сорвусь. Он там Никитку из-за меня прижмет и жрать будет.

Юрий Константинович. Брось, брось, не надо, Алеша.

Алексей. Ну, постараюсь. Выдержу, надеюсь, господь с ним!

Юрий Константинович. Именно. Ты вот Ольгу поразвлекай, она, по-моему, девчушка славная.

Алексей. А ты заметил, как он сейчас ее от меня отвел?

Юрий Константинович. Мерещится, Алеша.

Алексей. Не притворяйся, Юраша, видел.

Юрий Константинович. Дверь приладил?

Алексей. Дела-то было на пятачок. (Пошел с пилой в сарай.)

Юрий Константинович направляется к пристройке.

В это время, робко озираясь, с чемоданом и сумкой в руках, крадучись, заглядывает во двор Мария Бонифатьевна.

Юрий Константинович (бросается к ней). Зачем вы, Мария Бонифатьевна!

Мария Бонифатьевна. Не могу!.. Прилетела.

Они встали в укрытие, за углом дома.

Юрий Константинович. Зачем вы, зачем?!

Мария Бонифатьевна. Он здесь, Юра?

Юрий Константинович. Здесь. В сарай пошел... Случилось что?

Мария Бонифатьевна. Хуже уж ничего не случится. Прилетела. Не могу без него. (Плачет.)

Юрий Константинович. Не надо его трогать.

Мария Бонифатьевна. Не могу.. Юра, я на него только погляжу издали. (Всхлипывает.)

Юрий Константинович. Тихо вы, пожалуйста.

Мария Бонифатьевна. Здоров он?

Юрий Константинович. Да, совершенно.

Мария Бонифатьевна. Не отпускает?

Юрий Константинович. Пока нет.

Мария Бонифатьевна. Мальчик мой, дорогой, солнышко! (Залилась слезами.)

Юрий Константинович. Как Геннадий Алексеевич?

Мария Бонифатьевна. Не спрашивай, Юра! Знаешь, где он... Даже не понимаю, живет он или только существует... Об Алеше ни разу не заговаривал, и я не смею... Может, это самый страшный удар. Они же не только отец — сын, два друга были, ты помнишь... Мне быстро обратно надо... боюсь его там одного оставлять, страшно.

Юрий Константинович. Я ж тогда намекал вам, советовал...

Мария Бонифатьевна. Чего теперь-то кулаками махать...

Юрий Константинович. Вы где остановились?

Мария Бонифатьевна. Я не в городе, в Головлеве.

Голос Алексея (из сарая). Юраша!

Мария Бонифатьевна (бросаясь на голос). Он! Алешенька! Алеша!

Юрий Константинович (удерживая Марию Бонифатьевну). Не надо, не надо, Мария Бонифатьевна! (Кричит.) Иду, Алеша!

Мария Бонифатьевна. Его голосок, его! Крикни ему еще что-нибудь... крикни, пусть отзовется!

Юрий Константинович (кричит). Чего тебе, Алексей?
Голос Алексея. Рубанка не найду.

Юрий Константинович. Слева на средней полке. Прихвати еще гвоздей разных, поищи.

Голос Алексея. Найду, Юраша!

Мария Бонифатьевна (захлебываясь от слез). Он тебя, как раньше, Юрашой зовет.

Юрий Константинович. Идите, Мария Бонифатьевна. Не надо торопить. Вспышки бы не было, кто его знает. В прошлом месяце сюда случайно, можно сказать, Маша Козырева пришла, так и то чуть не убежала.

Мария Бонифатьевна. Да, да, не буду. Мне уже легче.

Юрий Константинович. Я же вам часто пишу.

Мария Бонифатьевна. Часто, Юраша, часто, спасибо тебе. Да письма идут целую вечность. Пока ждешь-ждешь, сердце от боли выбаливает, каким-то чужим становится. Я на почту два раза в день бегаю. Уже девушка в окошке как меня в дверях видит, так и кричит: «Вам нет еще, нет!» А если есть, улыбается, говорит: «Пляшите!» Я там уже при всех плясать готова, да боюсь, подумают — сумасшедшая. (Передает Юрию Константиновичу чемодан.) Одежда тут его.

Юрий Константинович (резко). Не надо, унесите немедленно. Нельзя это, нельзя.

Мария Бонифатьевна. Так ведь его. В чем же он ходит?

Юрий Константинович. Есть у него все. Куплю, если что потребуется.

Мария Бонифатьевна. А эту нельзя, думаешь?

Юрий Константинович. Нет. Унесите.

Мария Бонифатьевна (ставит чемодан на землю, достает из сумки пакет). Он сухарики с изюмом любит...

Юрий Константинович. Ну и не надо, не напоминайте. Прощу вас, уберите, не возьму. Догадается.

Мария Бонифатьевна (плача, убирает пакет обратно в сумку). Ай, жалко как... (Достает из сумки другой сверток.) Это уж можно. Сыр тут, колбаска, конфетки. Его любимых — «Мишку на севере», конечно, не достала, где у нас возьмешь, карамель — передай.

Юрий Константинович. Есть же у меня все! Вам, может, нужнее.

Мария Бонифатьевна. Нет, нет, от меня. Пусть не знает, но от меня, пусть кушает. Очень хочу. (Сует сверток Юрию Константиновичу. Снова лезет в сумочку.) Денег не очень много...

Юрий Константинович. И не помышляйте, не возьму категорично. (Строго.) Уберите обратно. Честное слово, обижусь, Мария Бонифатьевна.

Мария Бонифатьевна (убирает деньги). Немного у нас, конечно... Какой ты добрый, Юраша. Старые-то все друзья так называемые — как от чумы. Хоть бы один, хоть бы единственный кто два слова черкнул, хоть бы с майскими поздравил. Собаки, собаки! Доили его, как корову. Я тогда к Панкратовой сразу побежала за советом, судья, думаю, хоть подскажет. Так она в дверной глазок посмотрела, даже не впустила... А до этого так ластилась, будто я сахарная... И Ковылянский тоже... увидел — ули-

цу перебежал... А? Всем бы им в рожи наплевала, все твари!.. Ну их! (Совсем тихо.) Юраша, револьвер-то ты так и не нашел?

Юрий Константинович. Не было у него ничего, никакого револьвера не было. Все обыскал.

Мария Бонифатьевна. Был! Я сама видела. Хоть тоже как в полумраке была, а видела. Он к ящику подбежал, открыл, схватил и опрометью... Точно видела. Может, где в горах спрятал? Найти бы. Боюсь...

Юрий Константинович. Теперь уж и бояться не надо, остываешь. Мы с ним ладим. Нет-нет, в шахматы иногда играем. Только торопить не надо. Идите, Мария Бонифатьевна, не тревожьтесь, я слежу за ним. Со мной он тихий.

Мария Бонифатьевна (вдруг притягивает к себе голову Юрия Константиновича и крепко целует). Спасибо тебе, Юрашка, спасибо! (Потила, но остановилась.) Юра, разреши, я вот здесь спрячусь. А он выйдет, я только посмотрю на него и сразу уйду, скроюсь.

Юрий Константинович. Не наделайте неприятностей, Мария Бонифатьевна.

Мария Бонифатьевна. Минуточку, минуту! Ты иди, иди, меня нет! Не бойся, я удержусь.

Юрий Константинович отошел к террасе. Мария Бонифатьевна притаилась. Выходит Алексей. Мария Бонифатьевна замерла, смотрит на него, шевелит губами, видимо что-то шепчет.

Алексей. Нет там гвоздей, Юраша!

Юрий Константинович (видит, что Мария Бонифатьевна не уходит). Может быть, я под верстак сунул. Иди пошарь.

Алексей снова уходит в сарай. Юрий Константинович подбежал к Марии Бонифатьевне.

(С укором.) Мария Бонифатьевна! Вы же обещали!

Мария Бонифатьевна. Юра, Юрочка, может, поговорить все-таки с ним, может, он не откажется, ну хоть три минуточки поговорить...

Юрий Константинович. Мария Бонифатьевна!

Мария Бонифатьевна. Да ты только намекни ему, что я здесь, а уж там сам увидишь — пойдет он на это или нет. Намекни все-таки.

Юрий Константинович. Не время, не время!

Мария Бонифатьевна. Вдруг! Попробуй.

Юрий Константинович. Ну хорошо, хорошо, обещаю. Уходите вы сейчас, прошу вас.

Мария Бонифатьевна. Я тебя ждать буду, Юраша. Угловая, 17. (Взяла чемодан, сумку, ушла.)

Алексей (выходит из сарая). Ну нет, Юраша, просто провалились куда-то!

Юрий Константинович. А черт, я же сам весь ящик в пристройку занес! Забыл.

Входят Василий Прокофьевич и Оля.

(Алексею.) Показал бы ты Оле здешние края. К развалинам мечети пока сходили бы. Там красиво. Туристам показывают.

Василий Прокофьевич. Не обязательно.

Юрий Константинович. Он Крым хорошо знает, облизил.

Василий Прокофьевич (*тихо Юрию Константиновичу*). Не хочу с ним, не внушает доверия.

Алексей (*Василию Прокофьевичу*). Можно я с вашей дочкой прогуляюсь тут недалеко?

Василий Прокофьевич. Откровенно скажу, лучше бы ты с чьей-нибудь другой дочкой прогулялся. Отышешь, поди.

Алексей (*весь подобрался, лицо заострилось. Сухо и дерзко*). А как же! Только подморгну! На худой конец на набережной подхвачу. Они у нас на набережной гуляют, имейте в виду. Если и вам потребуется, пойдут, они неразборчивые. Ужином покормите, бутылку мадеры на двоих, двадцатка в зубы, и всего расходов.

Юрий Константинович. Алексей, перестань!

Алексей. Надо же просветить приезжего.

Юрий Константинович. Алексей!

Василий Прокофьевич. Не нервничай, Юра... Не пойдет она, молодой человек, с тобой, и на этом концертная программа окончена.

Алексей смотрит на Олю. Оля молчит.

Алексей. Ловко вы ей язычок с детства, видать, подрезали.

Василий Прокофьевич. Не прозорлив, мальчик. Хочешь, Ольга, иди с этим красавцем. Категорически не возражаю.

Оля. Успокойся, не пойду.

Василий Прокофьевич. Вот так!

Алексей (*смеется*). Дрессировка! Класс! Выступали бы в цирке вдвоем. «Олечка, хоп!», «Олечка, алле!». Шквал аплодисментов!

Юрий Константинович (*с горечью*). Алексей!

Василий Прокофьевич (*Алексею*). Утихни, не егози! Девушка жениха имеет. Вот уже — не успела приехать, письмо ему написала. Место занято.

Оля. Зачем ты так! Кто тебя просил! Что ты все время злишься, злишься... Пойдем, Алексей. Какие там развалины, очень интересно посмотреть!

Василий Прокофьевич. Оля!

Юрий Константинович. Это недалеко, Вася. Они не надолго.

Василий Прокофьевич. Ольга, я прошу оставаться!

Ольга и Алексей пошли.

Алексей. Цирк отменяю!

Уходят.

Юрий Константинович. Ну вот, хотел в него попасть, а ужаллил дочь.

Василий Прокофьевич. Да, подобрал ты себе в заботу змееныша... А моя-то, моя!..

Юрий Константинович. Вася, да не обращай ты на него внимания, плюнь.

Василий Прокофьевич. Чей хоть он сын?

Юрий Константинович. Честно признаюсь, Вася, сирота он круглый.

Василий Прокофьевич. Детдомовец?

Юрий Константинович. Именно.

Василий Прокофьевич. Что же он, у тебя только работает? Юрий Константинович. Да. И живет пока. Вот там в сарайчике.

Василий Прокофьевич. Не боишься?

Юрий Константинович. Чего?

Василий Прокофьевич. Обчистит в один прекрасный момент.

Юрий Константинович. Брось ты, брось!

Василий Прокофьевич. Смотри... у меня там деньги, хорошие вещи, костюм английский, Олины платья, джинсы. Они на джинсы, как волки, кидаются.

Юрий Константинович. Да на нем самом джинсы, не видел, что ли?

Василий Прокофьевич. Ну и что? Продаст.

Юрий Константинович. Вася, я тебе спокойствие всем своим имуществом гарантирую.

Василий Прокофьевич. Знал бы, что детдомовец, ни за что бы не отпустил.

Юрий Константинович. Ты уж зря с ним таким железным...

Василий Прокофьевич. Разозлил, шантрапа. А держится — будто граф какой!..

Юрий Константинович. Да шут с ним, шут!

Где-то вдали заиграл оркестр, видимо, в каком-то санатории или доме отдыха.

Василий Прокофьевич (*после паузы*). Музыка...

Юрий Константинович. Развлекают... Танцы сейчас там будут.

Действительно, как будто в подтверждение слов Юрия Константиновича, голос женщины-массовика: «Мужчины, приглашайте женщин! Танцевать! Танцевать! Не стесняйтесь! Веселее, веселее! Танцевать!»

Василий Прокофьевич (*успокоившись, сел в кресло*). Замечательно здесь у тебя... Если действительно пропуск на пляж достать можешь, сделай два.

Юрий Константинович. Пожалуйста, к нефтяникам устрою, у них чисто. Правда, пара километров, но на автобусе десять минут.

Василий Прокофьевич. Один Людмиле отдам. Ольге и тут понравилось. Молодая, ей что!

Юрий Константинович. Я и три могу попросить.

Василий Прокофьевич. Неудобно. Двух достаточно.

Звонок телефона.

Юрий Константинович. Я слушаю... На месте... Сегодня в ночь? Хорошо... Да, буду... Спасибо, Игнат Тарасович... Не беспокойтесь, я знаю... Будет выполнено. (*Положил трубку*.)

Василий Прокофьевич. ЧП?

Юрий Константинович. Ничего особенного. Какие-то иностранцы приехали. Достопримечательности покажут. Может быть, на охоту поедем. Кого-нибудь из сопровождающих повезу. (*Достает ружье, патронташи*)

Василий Прокофьевич. Ты тоже постреливаешь?

Юрий Константинович. Заодно. Может, завтра тебя какой-нибудь дичью попотчую, а то, глядишь, и кабанчика стукнем. Ты ел когда-нибудь кабанье мясо?

Василий Прокофьевич. Никогда не пробовал.

Юрий Константинович. Вкуснотища! (*Чистит ружье.*) Между прочим, не хочешь с нами? Я попрошу Игната Тарасовича. Может, и разрешит. Все-таки ты — шишка.

Василий Прокофьевич. Нет, нет, я не люблю охоту, да и ружья с армии в руки не брал. (*Смотрит на часы.*) Значит, часов через шесть Люда будет уже здесь...

Юрий Константинович. Встретим. (*Унес ружье в дом. Вышел, пошел к новостройке, что-то мастерит.*)

Возвращаются Оля и Алексей. Алексей сразу пошел в сарай. Там он достал из ящика стола тетрадь и что-то пишет.

Василий Прокофьевич. Ну, что там за развалины?

Оля. Когда-то, может, и было красиво, а сейчас именно развалины, глядеть не на что. Груда хлама.

Василий Прокофьевич (*Юрию Константиновичу.*) А говорил: туристам показывают.

Юрий Константинович. Честное слово, показывают. Туристы — народ забавный. Они на все рот разевают.

Василий Прокофьевич. О чем беседовали?

Оля. Папа!

Василий Прокофьевич. Ну что такого! Я спросил что-нибудь предсудительное?

Оля. Ни о чем не беседовали, путешествие проходило в полном молчании. Могу передать дословно. Подошли, он сказал: «Вот». Я посмотрела, спросила: «Это все?» Он ответил: «Да, потому что оставили объедки». Я сказала: «Мерси». И поплелись обратно. Тебя устраивает?

Василий Прокофьевич (*умиротворенно*). Веселая прогулка.

Оля. Да, буду откровенна до конца. Уже у дома он произнес: «Хочешь, могу показать более впечатляющие места». И добавил: «Если папочка позволит».

Василий Прокофьевич. Яд выпустил все-таки.

Оля. Ты тоже не сахар.

Василий Прокофьевич. Пойдем разберемся, в конце концов.

Василий Прокофьевич и Оля ушли в дом.

Юрий Константинович (*подошел к сараю, постучал в дверь.*) К тебе можно?

Алексей (*быстро спрятав тетрадь в стол*). Заходи.

Юрий Константинович. Надо бы тебе матрац купить, спиши чуток на досках.

Алексей. Рахметов на гвоздях спал.

Юрий Константинович. Ну и ты натыкай для удовольствия.

Алексей. Обойдусь без этих детских упражнений.

Юрий Константинович (*присаживаясь на табуретку*). Два слова. Только не злись, пожалуйста.

Алексей. Опять из той оперы?

Юрий Константинович. Опять.

Алексей. Что еще?

Юрий Константинович. Мария Бонифатьевна прилетела.

Алексей молчит.

Ну что ты, Алеша, сразу ощетинился?

Алексей. Не догадался сказать, что я умер?

Юрий Константинович. Она бы спросила, где могила?

Алексей. Ну и показал бы чай-нибудь бугор.

Юрий Константинович. Чай?

Алексей. Мало ли заброшенных.

Юрий Константинович. Заброшенные — старые, затоптаные, а свежие все с именами.

Алексей. Ну, пропал без вести.

Юрий Константинович. Поговорить-то ты с ней можешь?

Алексей. О чём?

Юрий Константинович. На нее-то за что ожесточился?

Алексей (*нервно*). Я ни на кого не ожесточился, я никого ни в чем не обвиняю. Юраша, у нас был уговор... Если я тебе мешаю...

Юрий Константинович. А разве я уговор нарушаю? И сейчас просто говорю? Мария Бонифатьевна прилетела, тут она, в городе.

Алексей (*с тревогой*). В городе?

Юрий Константинович. Не волнуйся, она остановилась не здесь, в Головлеве. Никто не знает. Ты все решаешь сам.

Алексей. Что решаю?

Юрий Константинович. Хочешь ты с ней встретиться или нет?

Алексей. Нет.

Юрий Константинович. Определенно?

Алексей. Юраша!

Юрий Константинович. Ну все! (*Встал с табуретки.*) Она здесь недолго будет.

Алексей не отвечает.

Через меня ничего передать не надо?

Алексей. Ты понимаешь меня?

Юрий Константинович. Ну ладно. Действительно, не надо. Я поговорю с ней сам. (*Подошел к Алексею ближе.*) Поднял я волну. Ты не сердись. Иногда я сам не знаю, как поступать надо. Ее тоже жалко. Навалилось на нее столько.

Алексей молчит.

В шахматы сыграем?

Алексей. Сейчас не хочу. Вечером.

Пауза.

Где, ты говоришь, она?

Юрий Константинович. В Головлеве остановилась. (*Осторожно.*) Я скажу ей?

Алексей молчит.

Когда?

Алексей. Сам сообрази. Безо всех чтобы.

Юрий Константинович. Устрою. (*Повеселев.*) Значит, вечером в шахматки срежемся. Хотя за мной две, но ты еще не торжествуй. (*Похлопал Алексея по плечу.*)

Оля (*вышла на крыльцу*). Юрий Константинович!

Юрий Константинович (*из сарая*). Иду. (*Вышел.*) Вот я.

Оля. Папа спрашивает: в графине вода кипяченая?
Юрий Константинович. Да.
Оля (*кричит в дом*). Кипяченая, пей! (*Сошла с крыльца во двор*.) Что он там делает? (*Показала на сарай*.)
Юрий Константинович. Ничего. Читает.
Оля. Он говорит — сирота. Это верно?
Юрий Константинович. Верно. Ты его не бойся.
Оля. Я и не боюсь.
Юрий Константинович. Он парень стоящий. У него какая-то кошка тут (*показывает на грудь*) скребет. Особо-то не расспрашивай, не надо, а так — поболтай, отвлечи.

Оля пошла к сараю.

Туда не ходи. Он не любит, не пускает. (*Зовет*.) Алексей!

Вышел Алексей.

Посиди с Олечкой, если свободен, расскажи что-нибудь про наши края. Может, сам чем поинтересуешься: она все же москвичка. Театры там, выставки, концерты. (*Уходит*.)

Некоторая пауза.

Оля. Сарай — это твое помещение?
Алексей. Да.
Оля. Ты там и живешь?
Алексей. Да.
Оля. И зимой?
Алексей. Что зимой?
Оля. А зимой где?
Алексей. Я не знаю, где буду зимой.
Оля. Разве не здесь?
Алексей. Не знаю.
Оля. Но тебе у Юрия Константиновича хорошо?
Алексей. Да, хорошо.
Оля. Юрий Константинович сказал — ты читал сейчас. Что читал?
Алексей. Я не читал.
Оля. А что делал?
Алексей. Писал.
Оля. Что?

Алексей. Мемуары.
Оля. Читать любишь?
Алексей. Нет, не люблю.
Оля. Почему?
Алексей. Сложный вопрос... Как тебе у нас купанье?

Оля. Блеск!
Алексей. Тут грязно. Хочешь, я тебе пропуск на хороший пляж дам?

Оля. Спасибо.
Алексей (*вынимает из кармана пропуск, отдает Оле*). На.

Оля. У тебя еще есть?
Алексей. Меня там знают. Это недалеко. Спустишься вниз. Не переходя улицу, сядешь на автобус, седьмой номер. Третья остановка. «Больница» называется. Там рядом.

Оля. Может, пойдем вместе? Покажешь.
Алексей. Завтра не могу, дежурю. Могу послезавтра, прямо с дежурства, в шесть часов.
Оля. Хорошо, я подъеду к остановке.
Алексей. Нет, там народу много, толкаются. Иди прямо к пляжу. Не доходя, беседка, беленькая, чуть вверх. Там тихо. Если задержусь, пойдешь.

Оля. Ты в этой больнице и работаешь?
Алексей. Да. Я всегда после смены сначала в море.
Василий Прокофьевич (*выходит из дома*). Ольга, куда ты положила мою пижаму?

Оля. В шкаф.
Василий Прокофьевич. Не нашел, иди покажи.
Алексей. Я ухожу, Василий Прокофьевич. Пижама ваша, я думаю, действительно в шкафу. (*Уходит в сарай*.)
Василий Прокофьевич. Ну и тип!
Оля. Кто?
Василий Прокофьевич. Смотри, Ольга!
Оля. Я все время только и делаю, что смотрю, смотрю, смотрю.
Василий Прокофьевич. Я же люблю тебя, должна понимать.
Оля. Нарожали бы вы с мамой десятерых — мне бы и одной десятой твоей любви хватило.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина вторая

Белоснежная беседка-ротонда в живописнейшем уголке Крыма, недалеко от пляжа. Возможно, слышен голос дежурного, предупреждающего купающихся, заплывающих слишком далеко.
В беседке на скамейке сидит Людмила Яковлевна. Входит усатый Молодой человек, которого мы видели в первом действии. Останавливается в нерешительности, смотрит на Людмилу Яковлевну.

Молодой человек (*решаясь*). Вы, замечую, приезжая? Беленькая.

Людмила Яковлевна (*сухо*). Слава богу, что не синенькая.
Молодой человек. Не возражаете, если я сяду невдалеке?
Людмила Яковлевна. Вон там пустая скамейка. (*Показала*.)
Молодой человек (*садясь подальше от Людмилы Яковлевны*).
Москва? Ленинград? Киев?

Людмила Яковлевна. Париж.
Молодой человек (*смеясь*). Если бы это была правда! Нет, вы не француженка. Французские женщины не бывают такими холодными, они любят контакты.

Людмила Яковлевна. Вы только что из Франции?
Молодой человек. Почти. С Кавказа.
Людмила Яковлевна. Молодой человек, я люблю юмор, но мечтать вам лучше в другом месте.
Молодой человек. Я не мечтатель, я реалист. (*Пододвигается к Людмиле Яковлевне*.)

Людмила Яковлевна. Не делайте, пожалуйста, поползновений. Работаете топорно.

Молодой человек. А как нужно? Научите. (*Пододвигается к Людмиле Яковлевне еще ближе.*) Я могу предложить поужинать вместе. «Интурист»?

Людмила Яковлевна. Да идите вы к черту!

Молодой человек. Ай-ай-ай, а говорила — француженка. Нет, у вас чисто русская натура. (*Пододвигается еще ближе.*)

Людмила Яковлевна (*вскакивая*). Оставьте вы меня в покое!

Входит Оля.

Оля. Извините. (*Хочет уйти.*)

Людмила Яковлевна. Подождите! Этот тип пристает ко мне.

Оля (*узнав Молодого человека*). Ты?! (*Людмиле Яковлевне.*) Это школьник, он еще в десятом классе.

Молодой человек. И что? Вам надо пенсионеров? Тогда спуститесь вниз, они по бережку гуляют, им сюда подняться трудно, у них одышка. (*Уходит.*)

Людмила Яковлевна. Выручили, спасибо!

Оля. Он позавчера и ко мне цеплялся. «Интурист» предлагал.

Людмила Яковлевна. Вот, вот! Все это у него, наверно, от хорошего питания. (*Смеется.*)

Оля села на скамейку, открыла книгу, с которой пришла, читает. Людмила Яковлевна сбросила туфли, болтает босыми ногами.

По глупости туфли на высоком каблуке надела, а тут горы и горы.

Оля (*почти не отрываясь от книги*). Зачем же? Здесь все чуть не головы ходят, даже на набережной.

Людмила Яковлевна. Да, в одних трусах, в купальниках. Я еще не привыкла. Неловко как-то.

Оля (*так же*). Ничего особенного.

Людмила Яковлевна. Вам хорошо, вы девочка, а мне скоро тридцать стукнет.

Оля. И что? Видели, как несолидные дяди и тети животики носят?

Людмила Яковлевна. Некрасиво.

Оля. Не смотрите, и на вас никто глядеть не будет.

Людмила Яковлевна (*смеется*). Вот уж этого не хочу. Нет, нет, пусть хотя бы поглядывают. Вы тоже хотите, чтобы на вас обращали внимание. Вон какая пикантная шапочка... Ну, как под такую не заглянуть.

Оля (*смеется*). Утром в универмаге купила — два пятьдесят.

Людмила Яковлевна. Да что вы!

Оля. Хороший магазин. Босоножки видала — итальянские, но у меня с собой денег не было. Завтра с папой сходим, купим.

Людмила Яковлевна. Это где?

Оля. Площадь Энгельса, в центре. (*Опять занялась чтением.*)

Людмила Яковлевна. Вы здешняя?

Оля. Нет, отдохать приехала.

Людмила Яковлевна. Не может быть.

Оля. Почему?

Людмила Яковлевна (*смеется*). Как же вы можете здесь, в этих божественных местах, вот так сидеть и вместо того, чтобы наслаждаться природой, читать какую-то потрепанную пухлую книгу!

Оля. Это Стендаль.

Людмила Яковлевна. Да что угодно! Пусть хоть детектив. Книга — для зимы, для города, для четырех стен. Все равно то, что мы с вами сейчас видим, никто не опишет, не нарисует, и, может быть, это кощунство, не выразит даже в музыке. Мир Божий!

Оля. Вы первый раз на юге?

Людмила Яковлевна. Представьте себе, да.

Оля. Путевку получили?

Людмила Яковлевна. Какая путевка! Мне никогда не достается, я не энергичная. Устроилась в гостинице «Южная», и то, как говорят, по блату.

Оля. У вас здесь знакомые?

Людмила Яковлевна. Ни души. Это мне... ну, вы девочка взрослая, могу признаться. Я здесь с одним... другом. Он устроил. Несмотрите на меня так. Да, он женат.

Оля. Я на вас никак не смотрю. Теперь говорят, у каждого мужчины есть любовница.

Людмила Яковлевна. Ну, какое гадкое слово — любовница. Это что-то буржуазное.

Оля. Извините, я просто не знаю, как это называть в нашем социалистическом обществе.

Людмила Яковлевна (*весело*). Друг. Друг. И зачем такие поспешные выводы «у всех». У вашего папы тоже?

Оля. Ну, мой папа в почтенном возрасте. С мамой они более тридцати лет.

Людмила Яковлевна. Вот! Всегда есть исключения из правила.

Оля. А что правило, а что исключение?

Людмила Яковлевна. Вот вы какая заноза!.. Да, да, ужасно! Какое-то поветрие!.. Я грешница. Как хорошо, что отменили тот свет, ад, адские муки, не хватает еще и там жариться! (*Смеется.*) Вы замужем?

Оля. Нет.

Людмила Яковлевна. И не бывали?

Оля. Нет, конечно.

Людмила Яковлевна. С какой гордой твердостью вы это произнесли. Ох, не прозевайте! Мне двадцать девять, а я еще одна. И знаете, год от года перспектив меньше и меньше. Сначала тоже: ладно, успеется. А теперь — тревога... тревога, набат. И знает, какой для меня самый страшный день в году? Праздник. Новый год. Год прошел, а я по-прежнему одна. И впереди еще один, может быть, тоже пустой.

Оля. А друг?

Людмила Яковлевна. Это не совсем то... Он замечательный человек, умный, уравновешенный. Ну, может быть, чуть-чуть суховат, но это только с виду. Возраст, конечно, но крепкий мужчина, мужчина в самом прекрасном смысле слова. Сильный характер. Я не люблю размазней... И любит меня! Любит как дурачок!.. Умный, а любит как дурачок. (*Хохочет.*) Чудесный! Я так счастлива с ним. Но ведь это все мгновения, украдкой. У него семья. Да, я воровка... Не дай вам бог узнать, что такое быть одинокой. Все теряет смысл. У меня есть мать, отец, брат, но мне кажется — они все смотрят на меня как на больную, как на несчастную... В их глазах я все время вижу сострадание. Это так ужасно, так оскорбительно, унизительно... Я уехала от них. Мой друг помог мне сделать ма-

ленькую однокомнатную кооперативную квартиру. Пусть я там одна, но на меня никто не смотрит все время вот так, в упор... И я просто хочу любить. В этом же нет ничего предосудительного. Природа требует, чтобы человек любил, женщина особенно. Может быть, мне не надо это вам говорить? Я разворачиваю вас?

Оля. Ничуть. Вы милая женщина.

Людмила Яковлевна. Ох, и сама не знаю. Ученая, кандидат наук. И знаете, отчего? От нечего делать. Чем-то надо заниматься. Защищу потом докторскую, к пятидесяти стану профессором, совсем очумею, и сделают меня член-корреспондентом Академии медицинских наук. Я врач по профессии, невропатолог. Буду невообразимо важной и злющей бабой, всех критиковать, всем надоедать поучениями. Наконец умру, и в «Медицинской газете», а, может быть, даже в «Известиях» в некрологе напишут: «С глубоким прискорбием сообщаем: скончался член-корреспондент Академии медицинских наук Людмила Яковлевна Баскарова». А надо было бы написать: «С глубоким прискорбием сообщаем: умерла одинокая, несчастная, никогда не знавшая нормальных человеческих радостей, не имевшая мужа, детей...» Вот тут действительно слова «с глубоким прискорбием» подходят.

Оля. Если он так сильно любит, почему же не уйдет к вам совсем?

Людмила Яковлевна. Нет, нет, нет, это исключено. Он как-то заикнулся, что, может быть, когда дочь выйдет замуж... Но я сразу крикнула: «Ни за что! Не разрешу ему... Жребий! Знаете, у каждого свой жребий, и уж как вытянул... так и тяни дальше, до конца, до самого последнего дня существования. Я способна украсть, но ограбить... Жена его больна уже несколько лет... ноги. Нет, нет, я воровка, но не убийца.

Оля. Но другие...

Людмила Яковлевна. Все люди разные. (Смеется.) У меня, видимо, остатки комплекса порядочности... А вы отдыхаете в «Нефтяника»?

Оля. Нет, мы у знакомых.

Людмила Яковлевна. Ой, кажется, он! (Надевает туфли.) Нет, ошиблась. Думала, Василек.

Оля. Его Васей зовут?

Людмила Яковлевна. Да, Василий Прокофьевич. (Смотрит вниз.) Знаете, когда так напряженно ждешь, любая тень, и тебе кажется — именно он. Вам, наверное, это тоже знакомо... (Пауза.) Вы что-то вспомнили?

Оля. Вы убедили меня: здесь заниматься чтением нелепо. Поднимусь вон на ту горку, гляну сверху.

Людмила Яковлевна. Счастливо!.. Подождите. Вы такая славная. Я врач довольно приличный, клиника у нас отменная. Может быть, кому-нибудь из ваших близких потребуется, возьмите мой телефон.

Оля. У меня не на чем записать.

Людмила Яковлевна. Давайте на краешке книги.

Оля. Нет, это чужая, хозяина.

Людмила Яковлевна. Тогда, знаете, на чем? (Достает из сумочки маленький женский карандаш и рецепт, пишет, отдает Оле.) Пусть вам этот рецепт никогда не понадобится, но в случае...

Оля (взяла рецепт). Спасибо. (Быстро уходит.)

И вовремя. Из-под горы довольно тяжело поднимается Василий Прокофьевич. Людмила Яковлевна бросилась навстречу. Объятия, долгий поцелуй. В это мгновение снова появляется Молодой человек.

Молодой человек. Ну вот, один пенсионер взобрался! Василий Прокофьевич. Молодой человек, идите куда идете. Молодой человек. Куда я иду? Никуда я не иду. Василий Прокофьевич. И все-таки! Молодой человек. Ухожу, Мазепа! (Уходит.) Людмила Яковлевна (смеется). Начитанный!

Садятся в беседке.

Василий Прокофьевич. Немного опоздал, извини. (Целует руки Людмиле Яковлевне.)

Людмила Яковлевна. Ничего, Васечка, ничего. Ну, как отдохнешь?

Василий Прокофьевич. Когда ты приехала, лучше придумать невозможно. Чудо мое! (Целует ладони Людмилы Яковлевны.)

Людмила Яковлевна. Василий, ты как мальчишка!

Василий Прокофьевич. Именно! Не будь тебя, я жил бы своей механической жизнью: работал, пил, ел, спал...

Людмила Яковлевна. Да не гневи ты небеса, Вася! У тебя есть дом, жена, дочь... Все спокойно.

Василий Прокофьевич. А ты мое беспокойство! Беспокойство и есть жизнь. Хочешь, я тебе изреку парадокс. До встречи с тобой я не думал о смерти.

Людмила Яковлевна. Не пугай, Вася.

Василий Прокофьевич. Теперь думаю. И боюсь умереть. Тебе ясно? Бывало, сижу на каком-нибудь заседании, совещании, ученом совете — говорят, говорят, говорят, а мне хоть бы хны! Тупо слушаю часами. А теперь не могу, бежать хочется.

Людмила Яковлевна. Если женщина мешает карьере мужчины, значит, у него не любовь к ней, а только страсть.

Василий Прокофьевич. Философ ты мой! Любовь есть любовь. Она единая и неделимая.

Людмила Яковлевна. Милый мой романтик, еще какая делимая! У меня на этой почве такие пациенты-невротики попадаются.

Василий Прокофьевич. Значит, слабонервные. (Целует руки Людмилы Яковлевны.)

Откуда-то сверху прямо к скамейке спрыгнул Алексей. Увидел Василия Прокофьевича и Людмилу Яковлевну. Растирался. Маленькая пауза.

Алексей. Приношу извинения. (Скрылся.)

Людмила Яковлевна. Кто это?

Василий Прокофьевич. Парнишка живет в том же доме, где я. Людмила Яковлевна. Неприятно как! Вдруг он слышал...

Василий Прокофьевич. Не думаю. Парень, правда, препаршивый, но нет... Здесь тихо. Мы бы слышали, как он подходил. Хрустели бы камни, кусты бы шуршили.

Людмила Яковлевна. Как кошка спрыгнула... Какие у него глаза безумные! Лучше пойдем отсюда.

Василий Прокофьевич. Куда?

Людмила Яковлевна. Не знаю. Все время чего-то боюсь. Вот и уехали, одни, это вечная тревога...

Василий Прокофьевич. И что особенного! Встретил знакомую. Отдыхает здесь в санатории. Трусиха.

Людмила Яковлевна. Еще бы! Пойдем в гостиницу, в номере спокойнее.

Василий Прокофьевич. Выкупаемся сначала.

Уходят.

На этот раз мы еще издали слышим покашливание или даже что-то вроде пения. Входит Алексей. Он осматривается, садится на скамейку. Ждет. Никто не идет. Только слышны голоса с пляжа и, возможно, отдаленный оркестр. Алексей несколько раз встает, ходит, ищет Олю. Наконец Оля появляется.

Оля. Ты здесь никого не видел?

Алексей. Нет.

Оля. А мне показалось.

Алексей. Э-э-э... сюда редко кто захаживает. Пошли купаться.

Оля. Подожди.

Алексей (*всматривается в лицо Оли*). Случилось что?

Оля. Ничего.

Алексей. Ты бежала, что ли? Задохнулась.

Оля. Да, вон с той горы.

Алексей. Дай-ка пульс, я умею. (*Берет руку Оли*) Ого, скачет здорово! Тахикардия. Я уже медицинские термины усвоил... Посиди, отдохни.

Оля. Какие у тебя новости?

Алексей. Бабушенции той нет, о которой говорил. Она из каких-то сильно интеллигентных, видимо, была. Интересно о древних временах рассказывала, ко мне хорошо относилась. Прихожу вчера, иду к ней, а на той койке уже другая лежит. Знаешь, жалко. Но эта тоже, кажется, ничего. Инсульт, речь пропала. Мычтит, но я догадываюсь.

Оля (*видимо, она плохо слушала то, что говорил Алексей*). Меня вчера покоробило, когда ты говорил: хорошо, что не знаешь, кто твои родители.

Алексей. Я сказал — тема закрытая... Пошли нырять. Хочешь, я тебе акваланг достану?

Оля. Нет, не надо.

Алексей. Да что с тобой?

Оля. Что-то я вдруг по Москве заскучала, по маме.

Алексей. Я тебя завтра в такие места свожу, ахнешь.

Оля. Своди. Очень хочется ахнуть.

Алексей. Пошли в воду.

Оля (*встала, вдруг сообразила: там, на пляже, могут быть отец и Людмила Яковлевна*). Нет, не хочу. Леша, проводи меня домой.

Алексей. Тебе плохо, что ли?

Оля. Плохо. Будь добр.

Алексей. Ну посиди тут. Я окунусь и мигом.

Оля. Нет, нет... сейчас, проводи.

Алексей (*берет Олю под руку*). Ты на солнце перегрелась, что ли?

Оля (*радостно*). Да, да, весь день загорала.

Алексей уводит Олю. Входит Молодой человек. Он рыщет глазами. Никого нет. Садится на лавочку. Появляется Девица. В руках у нее транзистор. Присаживается на скамейку. Передают футбольный матч.

Молодой человек (*с тоской глядя на Девицу*). Кто играет?

Девица. «Динамо» Минск — «Пахтакор».

Молодой человек. Какой тайм?

Девица. Первый.

Молодой человек. Счет?

Девица. Пока по нолям... Хочешь, пойдем ко мне, у меня телевизор, посмотрим.

Молодой человек. Мама прислала мне сегодня деньги и знаешь что написала? «Сын мой, пожалуйста, покупай все только самое свежее». Ясно?

Девица. А по-моему, и твоя мама и ты — хамье, каких свет не видывал.

Сидят, отвернувшись друг от друга, смотрят вдаль. Издали слышны музыка и голос массовика: «Танцевать, танцевать! Мужчины, не стесняйтесь, приглашайте дам на танцы!»

Картина третья

Предполагается вершина скалы. Кругом только камни. Входят Алексей и Оля.

Оля. Не могу, устала.

Алексей. Пришли уже, садись.

Оля. Зачем на такую верхотуру завел?

Алексей. Сама просила: покажи, чтобы ахнула.

Оля (*озираясь*). Одни камни.

Алексей. Библейский вид. Ахай.

Оля. Действительно, впечатляет.

Алексей. Любимое место.

Оля. Даже жутко.

Пауза.

Алексей. Идем, а то твой папаша наверняка свои железные нервы уже щиплет.

Оля. Не цепляйся ты к нему.

Алексей. Меня не надо трогать. Я тебе сказал — злой.

Оля. Что ты на себя туман нагоняешь! Кто ты?

Алексей. «Я тот, чей взор надежды губит, едва надежда расцветет, я тот, кого никто не любит и все живущее клянет».

Оля. Это я тоже в школе проходила.

Алексей. Массовая культура... Ах, Олечка, Олечка, миленькая девочка!

Оля. Тебе сорок?

Алексей. Мне девяносто.

Оля. Ого! Значит, надорвался.

Алексей. Я бы тебе сказал резкое слово... Чуть не сорвалось.

Оля. Какое?

Алексей. Ну, если удержал в зубах, с губ не выпущу.

Оля. Боишься?

Алексей. Тоже заметь: подобное чувство исключено.

Оля. Страх?

Алексей. Он самый.

Оля. Отчаянный. У тебя неприятности?

Алексей. Кое-какие.

Оля. Может, поделишься?

Алексей. Зачем?

Оля. Говорят, полегчает.
Алексей. Я уже разделил.
Оля. С Юрием Константиновичем?
Алексей (несколько удивленно). Угадала. Тронулись. (Встал.)
Оля. Ну и что?
Алексей. Дышу.
Оля. А со мной?
Алексей. Нельзя.
Оля. Почему?
Алексей. Вот у тебя какие плечики хрупкие. Косточки переломятся.
Оля. Твое дело.
Алексей. Мое.

Замолчали.

Тронулись? (Встал.)
Оля (вставая). Пошли.
Алексей. Взгляни вниз. Тоже впечатляет. (Взял камень, подошел к краю пропасти, бросил камень вниз.)

Слышишь, как долго летит камень.

Оля (подошла к Алексею, глянула вниз, отшатнулась). Ух, тут метров триста будет. Голова чуть не закружилась.

Алексей. А у меня ни капли. Могу на одной ноге стоять. (Становится на самый край обрыва, отрывается от земли одну ногу.) Гоп!

Оля. Перестань! Отойди.

Алексей (став на обе ноги). Могу спрыгнуть.

Оля. Вот-вот, давай прыгай!

Алексей хочет прыгнуть. В ужасе Оля вцепилась в Алексея, оттащила. Ты сумасшедший?

Алексей. Ты же хотела, чтобы я прыгнул.

Оля. Сядь, пожалуйста. У меня ноги трясутся.

Алексей сел на камень. Села и Оля.

Ты бы действительно... .

Алексей. Доказать?

Оля. Перестань!

Алексей. Я все равно скоро умру.

Оля. Откуда ты это знаешь?

Алексей. Знаю.

Оля. Гадалка нагадала?

Алексей. Чувствую.

Оля. Это нельзя чувствовать.

Алексей. Все-то ты знаешь... Почему нельзя? Пушкин чувствовал.

Оля. Ничего не понимаю.

Алексей. А что ты хочешь понять?

Оля. Тебе все равно — жить или умереть?

Алексей. Ты этого не допускаешь?

Оля. Ужасно! Но это глупо.

Алексей. По-твоему, все самоубийцы были идиоты?

Оля. Я бы никогда не могла...

Алексей. Ты умная.
Оля. Но должна же быть сверхпричина.
Алексей. Ну, почему — сверх? Какая-нибудь Анна Каренина по самому банальному поводу под колеса сунулась, мадам Бовари — мышьяк кушала, Коленька Ставрогин из-за одной только своей глупой идеи в петлю залез. А у меня, может быть, сверх-сверхпричина. Загадка не в том, что могу в любой момент все оборвать, — я уже говорил тебе об этом своем преимуществе, — загадка — почему до сих пор существую.

Оля. Нет, я бы никогда не могла.

Алексей. Ничего особенного... Ты в Ленинграде бывала?

Оля. Конечно.

Алексей. На Литераторские мостки заходила?

Оля. Куда?

Алексей. На Волково кладбище. Там одно место — Литераторские мостки называется.

Оля. Нет. Я в театры ходила, по музеям. А что?

Алексей. На могиле Плеханова памятник. Мне надпись понравилась.

Оля. Какая?

Алексей. «Он слился с природой». Удачно подмечено, верно?

Оля (подумав). По-моему, утешение.

Алексей. Нет, я все равно не исчезну, я сольюсь с природой. Поэтому в любой момент и могу. Блаженство.

Оля (сердито). Не знаю, Леша. Конечно, у тебя могут быть большие неприятности. Ты говоришь: он слился с природой. Но почему же только мертвому сливаться с ней. А разве живому нельзя? Я даже когда у нас под Москвой в лесу брошу, сливаюсь. А буду ли я после смерти чувствовать это блаженство?

Алексей. Ты права. Вопрос открытый.

Оля. А здесь у вас море, тепло, цветы, тишина, покой даже. Тоже блаженство.

Алексей. Покой? Это, Олечка, только верхний слой. Пудра!

Оля. Я понимаю... Конечно, и нижний имеется. Так это в любой стране, в любом городе — и хулиганы, и жулики, и пьяницы.

Алексей. Именно. Рассказал бы, не поверил!

Оля. Знаю. Папа говорил, у вас здесь какой-то громадный начальник попался. Это правда?

Алексей. Правда.

Оля. Миллион украл.

Алексей. На это точно не отвечу. Не считал.

Оля. Что творится! Верно? Ничего понять невозможно. Это же обеспеченные люди, им уж все блага даны, доверяют, а им все мало, мало. Взятки берут, воруют, прямо грабят и людей, и все государство. Ну, обыкновенный вор, ладно, с него и спрос как с вора. А тут? Нет, по-моему, таких надо на площади выставлять. Мне рассказывали, раньше в Финляндии за воровство отрубали руку, за любое. Отвадили.

Алексей. Подобную меру предлагаешь?

Оля. Нет, конечно.

Алексей. За любое! Одноруких бы много развелось. И так рабочей силы не хватает.

Оля. А ты что предлагаешь? Вот, например, этот ваш высокопоставленный жулик...

Алексей. Это мой отец, Оля.
Оля. Кто?

Пауза.

Ты шутишь?

Алексей. Это мой папа, Оля. Геннадий Алексеевич Кашин. Меня Алексеем Геннадиевичем зовут. Алексей — в честь деда назвали. (После паузы.) Ну, продолжай разговор.

Оля. Врешь. Все врешь. Врешь, да? Ты любишь болтать... И воображение, сам говорил.

Алексей. Это мой отец, Оля.

Оля. Я ничего не понимаю, Леша. Ты извини.

Алексей. Зачем же. Все правда. Ты еще легонько. Если бы видела, что тут в те дни творилось... У-у! Торжество справедливости! Психологию учили! В такие минуты люди себя особо счастливыми чувствуют, — вроде они сами ангелы, херувимы и серафимы. Самые поганые особенно радовались. Как же, кто-то хуже них оказался, какое счастье! Они уж и не поганые! Разоблачили, ура!

Оля (после паузы). Пойдем. Отец действительно волноваться начнет.

Алексей (не поднимаясь с места). Я понимаю, люди хотят справедливости, верят в нее. Как же им не ликовать. Будто солнышко из-за туч — это справедливость высунулась, осветила. Вот и ожили. Я понимаю.

Оля. Идем, Алеша...

Алексей. Я просто о поганых сказал... Понимаю... Я убежал. Как узнал, так и выбежал из дома. И в школу уже не пошел. Никогда. Никого не видел. Не могу. Юраша на машине гонял — меня искал. Он меня любит. Я его Юраша зову.. И в детский сад он меня возил, и в школу, и на охоту. На охоту, правда, только один раз. С отцом и еще с кем-то. Мне тогда лет двенадцать было. Первый раз взяли. Мне очень хотелось. Просился. Взяли. Прыгал от радости... Знаешь, какая охота была? Мы на какую-то вышку взобрались, ружья приспособили. А внизу корыто с бурдой, корм. И мужики к этим корытам кабанов гонят, подманивают. Кабаны к корытам идут. С поросятами, с кабанчиками. Все затихли. Мне Олег Гаврилович, помощник папин, тоже ружье к плечу приставил. Целься, говорит, Лешечка, целься вон в того маленького... Я растерян. Вроде интересно, забавно даже. Кабанчиков много. Цепляюсь за ружье. Он мне палец на курок приспособляет, а сам из-за моего плеча целится. «Смотри, — говорит, — глазком сюда, в эту щелочку, вот сюда целься, ну, смелей! Смелей!» А свою ладонь мне под плечо подложил. Это, значит, чтобы отдача меня не ударила. Потом как грохнуло. Я испугался. А один кабанчик подскочил и кувырком — бряк. «Ай да Лешечка!» — крикнул папа. Стадо бежать. Тогда все в догонку пальбу открыли. Ужасно я тогда шума испугался, даже дрожал, по-моему... Вниз потом опустились. Лежат кабаны. Три больших. Меня подвели к маленькому. «Твой», — говорит Олег Гаврилович. И отец подошел, по щеке потрепал. Похвалил, значит. А я гляжу на кабанчика. Зубы осколенные запомнил. Вроде улыбка. Улыбается и улыбается... Зубки... А Олег Гаврилович говорит: «Твой-то самый вкусный будет, Леха»... Я больше никогда на охоту с ними не ездил. Отец сердился, уговаривал. А я наотрез... С того дня у меня в мозгу и засело. Забыл вроде все, конечно, но нет... видишь, как помню... кабанчик, зубки. Я умру скоро. У меня не то, что горит все внутри, в мозгу тоже... уже не горит, догонает, тлеет. Меня огонь охватил. Знаешь, почему я еще живу? Я пишу... Я

не знаю, что это... Не стишкы, не роман, конечно. Я про себя пишу... Ведь то, что я знаю, никто не напишет. Не знают... Может, со стороны и предполагают, но только со стороны, косвенно... Не знают! Сын вора. Да еще какого! Глубокоуважаемого... Ему всегда так и писали: «Глубокоуважаемый и дорогой...» Нет, не хочу так об отце говорить! Чего только он мне не дарил. Как раз «Жигули» на восемнадцать лет купить собирался. Я уж ждал-жал. А ведь ничего не понимал. Как дурак. Кретин. Почему я не понимал? Я же развитой человек. Учился вполне... Я ничего не понимал. Даже подкоркой не чувствовал. А ведь мог. (Почти кричит.) Нет, не мог я ничего не знать, не видеть! Давил, значит, в себе, вглубь загонял, будто не знаю!.. До чего же человек погано устроен. Ну, на какую зарплату у нас дача была — здесь. И на Кавказе!.. Мне все улыбались все время. Я привык, видимо. В школе, например, даже учителя заискивали. Сначала, кажется, неловко себя чувствовал, потом тоже привык. Да, да, даже нравилось. Смотри на меня, как тебе угодно! Нравилось. И ребята, девчонки ко мне липли, не все, некоторые в стороне были, может быть, просто боялись. А те лебезили, знали, что в разных делах помочь могут.. Помогал! Двоих даже и спас. Они там пакость совершили, сидеть бы им в колонии. А я через папу выручил... Я многое, Оля, знаю, все видел, все напишу. У меня там в сарайчике в ящике лежит, в столе. Уже к финалу идет. Мне скоро закончить надо... Успеть... Я теперь даже, когда по телевизору пьяницу вижу или там жуликов показывают, допрашивают их, позорят... у меня мороз по коже. Ведь у этого алкоголика, может, дети в школе учатся: им завтра в школу идти. Так уж и слышу, как им, детям этим, товарищи кричат: «А мы вчера твоего папу по телевизору видели... Хи-хи...» Не надо этого, они-то при чем?

Оля. А ты...

Алексей. А я при чем! Я же в университет хотел. Я же чуть не всю мировую литературу прочел. Философию. Зачем я читал. Что я в тех книгах вычитал? Не для развлечения же я их читал. Они ничего мне для жизни не дали. Я жил и ничего не понимал. А вроде себя умным чувствовал. А я болван был... Я тебе сказал — ничего не боюсь. Нет, я боюсь. Я человеческих глаз боюсь. Всех глаз, которые знают, кто я, чей сын. Мне кажется, все знают! К Юраше один раз секретарша, которая у папы была, зашла, — я убежал... Юраша опять нашел, вернулся... Я и отца и мать видеть поэтому не могу. Отца особенно. Его из жалости. Я даже и в уме вообразить не могу, как он мне в глаза посмотрит. Я даже этим, что не встречаюсь, шажу его. Ему уже хватит, пусть несет... Мне кажется, от моих глаз он умереть должен. Я когда выбежал, одну вещь успел схватить — в комнате она у отца в ящике стола лежала. Револьвер. Знаешь, зачем схватил? Думал, отец сразу в себя пулю выпустит... У меня только один Юраша есть. Я за него как за кустик над обрывом держусь. Он меня, знаешь, за что полюбил? Его все Юрашкой звали. Юрашка туда, Юрашка сюда. А я — Юраша. Ему этот оттенок очень нравился. Я чувствовал. С ним хорошо, он какой-то свой вроде. Еще давно — везет меня в детский сад, я с ним на переднем сиденье любил — сказки рассказывает — «Иван-царевич и серый волк», «Гадкий утенок», даже про Щелкунчика... А когда в школу — уже фантастические всякие... В Киев, в гости ехали, — я, кажется, в седьмом учился, — он мне, знаешь, «Братьев Карамазовых» пересказал... Я верил! Верил!.. А барышня, ты спрашивала... Ах, она птичка с перышками... Да, без ума был. А она шла на все: Лешечка-Лелешечка. Клянусь, уж тут и притворства не чувствовал, за чистую монету считал, решительно. И сма-

лодушничал. Попросил Юрашу к ней сходить, намекнуть, что жив я... Знаешь, что мне Юраша от нее принес? Он, конечно, не точно мне передал, самортизировал, но было, видимо, примерно так. Он, значит, сказал, что жив я и, следовательно, видеть ее хочу, а она ответила: «Разве?» То есть, разве я еще жив? И все... Я один раз поздно вечером нарочно мимо их дома прошел. Слыши, она на рояле играет, Рахманинова, прелюд. Она еще и в музыкальной школе учится. Зачем Рахманинов? Вот скажи мне: зачем и Рахманинов, и Бах, и Моцарт, и все вместе, зачем они? Для препровождения времени? Для услады? Не отвечай! Это я вопросы себе задаю... Нет, я теперь о многом иначе думаю. Если нет самой элементарной честности, ничего человеческого, не только ни Чайковский, ни Толстой, ни Рафаэль не требуются — и в школе-то никого ничему учить не надо. Пусть не знают, что дважды два четыре, черт с ними, но не воруют. А то они высшую математику изучали, строительные институты кончали, академии. Может, это только для того и кончали, чтобы легче, умнее всех обманывать! Ты знаешь, я когда теперь у Юраши какую-нибудь доску строгаю, клянусь тебе, легко себя чувствую... Отец сначала-то, наверно, нормальный был, умный, честный. Не зря же его на такую высокую должность поставили. Верили... По-моему, это все зараза. Знаешь, есть чума, оспа, холера, тиф сыпной, брюшной. Эпидемии бывали. Один от другого заразится, и пошло, и пошло. Вот эта... эта мразь вся, обман — они тоже микроб, зараза. Отец заразился! Нет, не думай, я его не оправдываю! Мне все равно его жаль. Но ведь тут совсем в другом дело... Я-то жить больше не могу. Ты понимаешь, я все время буду слышать: «А-а-а, это тот, у которого папа миллион...» Я и в городишко-то наш днем не захожу, чтобы не встретить кого. Меня чуть ли не весь город знает. Вышел один раз, встретил сразу троих из класса. Метнулся, было. Они обступили. Говорят что-то, улыбаются. А я вижу: они меня разглядывают с бо-ольшим интересом, глаза удовольствием светятся. Я, как паршивая, битая собака, от них поплелся. Чувствую: глядят вслед, что-то лопочут... Я все напишу, все... Не дается, слов не хватает. Чувства есть, а нужные слова не схватываю. Так, обозначаю только. Да и обозначительные слова не сразу попадаются. Но я допишу! Мне надо. Чувствую, как допишу, так и умру. (Замолчал.)

Оля. А ты не дописывай, Леша...

Пауза. Оля встала, подошла к Алексею, села около него, целует. Алексей сидит неподвижно.

Картина четвертая

Те же декорации, что в первом акте. Во дворе Василий Прокофьевич и Юрий Константинович.

Василий Прокофьевич. Хорошо! Хорошо у тебя, Юра! И пляж великолепный, и купанье отличное. Здоровое, просто с каждым часом лучше и лучше себя чувствуешь, крепче.

Юрий Константинович. Крым! Недаром озаглавлен: всесоюзная здравница.

Из дома вышла Оля.

Василий Прокофьевич. Ты куда?
Оля. Хлеба купить. (Ушла.)

Василий Прокофьевич. Слушай, Юра, меня одно дело беспокоит.

Юрий Константинович. Объясни.

Василий Прокофьевич. Тут этот тип... Алешка... кажется, меня с Людмилой видел... Ну, сам понимаешь, особенного ничего... Не наплел бы он Ольге. Она что-то в себе носит. И взгляд у нее на меня какой-то иной.

Юрий Константинович. Исключено. Даже если видел, промолчит. Он парень порядочный. Никогда... Это ты выбрось.

Василий Прокофьевич. Слушай, сделай мне одолжение — отправь парня отсюда.

Юрий Константинович. Куда же я его дену?

Василий Прокофьевич. Жил он до этого где-то, пусть и катит!

Юрий Константинович. Не могу, Вася.

Василий Прокофьевич. Отгони на время. Уедем, пустишь обратно.

Юрий Константинович. Невозможно.

Василий Прокофьевич. Я прошу. Отдыхать, понимаешь, мешает.

Юрий Константинович. Да что ты его, боишься?

Василий Прокофьевич. Именно. Только не его, Ольгу. Ты замечаешь, как она на него смотрит? Будто он картина какая или статуя.

Юрий Константинович. Ну подружились! Ему же надоело: все я да я. А тут ровесница. Молодежь! Говорю тебе: славный парень. Жесткий, правда. Может, Ольга его и размягчит.

Василий Прокофьевич. Вот-вот! Знаем мы, как это делается.

Юрий Константинович. Брось! Тебе же выгоднее. Авось, того — московского — побоку.

Василий Прокофьевич. Этот еще чище. Тот хоть учится.

Юрий Константинович. Ох, и фигура ты, Вася!

Василий Прокофьевич. Отец я или кто?

Юрий Константинович. Ты не отец, ты сторож. Это оттого, что у тебя одна. Мы с Катей над первым тоже трясом тряслись, над вторым меньше, а уж как Никитка вырос, и не помню.

Василий Прокофьевич. Они же теперь без узды. Что хочешь могут выкинуть. Заявит с ходу «хочу замуж», и хоть «прокляну» кричи, никакого толку.. Что ты к нему приkleился! Ведь не сын, не племянник даже. Если даровая, так сказать, рабочая сила, так ты вроде не бедняк.

Юрий Константинович (глядя на Василия Прокофьевича, после паузы). Подумаю, Вася. (Вдруг увидел кого-то вдали.) Подожди минуту. (Ушел и скоро вернулся.) Что ты говоришь?

Василий Прокофьевич. Я тебе тоже в случае сгожусь, имей в виду.

Юрий Константинович (вяло). А, само собой.

Василий Прокофьевич. Договорились?

Юрий Константинович. Что?

Василий Прокофьевич. Отправляешь парня?

Юрий Константинович. Нельзя... Я тебе объясню, в чем тут особенность, поймешь. Только слово дай — будто не слыхивал, вида ему не покажи.

Василий Прокофьевич. Тут у тебя «мадридский двор», да и только!

Юрий Константинович (*смотрит на часы*). Прозеваем, Вася. Третий, а мы за Людмилой заехать обещали.

Василий Прокофьевич. Да, да! Я сейчас. (*Уходит в дом*.)

Юрий Константинович (*идет к сараю, стучит в дверь*). Алеша, это я.

Алексей. Можно.

Юрий Константинович (*входит в сарай*). Мы уходим. Мария Бонифатьевна уже внизу, ждет. Я скажу ей. Ты, главное, спокойно... Ей тоже плохо.

Василий Прокофьевич (*выходит из дома. Он одет элегантно, выглядит моложаво*). Юра!

Юрий Константинович (*вышел из сарайя*). Готов?

Василий Прокофьевич (*указывая на свою одежду*). Не черезсчур?

Юрий Константинович. Теперь все старики молодятся.

Василий Прокофьевич. Юрка!

Юрий Константинович. Шучу... Хорош!

Вернулась Оля.

Василий Прокофьевич. Оля!

Оля. Что, папа?

Василий Прокофьевич. Подойди-ка.

Оля подошла к отцу.

Ты не прихврнула?

Оля. Нет.

Василий Прокофьевич (*трогает лоб дочери*). Маме позвони, узнай, как она там.

Оля. Ей, наверно, и с тобой поговорить хочется.

Василий Прокофьевич. Верно. Мы с Юрием Константиновичем скоро вернемся, позвоним. Мамуля без нас наверняка скучает.

Оля. Юрий Константинович, что к ужину сделать?

Юрий Константинович. Если хочешь, мясо можно пожарить. Василий Прокофьевич. Да, да, пожарь. Отличный этот твой кабанчик. Мясо вкусное, сочное, аромат какой-то особый... Идем, Юра!

Василий Прокофьевич и Юрий Константинович уходят.

Из сарая выходит Алексей.

Оля. Работал?

Алексей. Думал... Ко мне сейчас один человек придет...

Оля. Мне уйти?

Алексей. Да.

Оля. Можно к тебе?

Алексей. Можно.

Оля положила хлеб на террасе. Ушла в сарай и стала там прибираться. Возможно, успела захватить букетик цветов и даже скатерку. Сарай затемняется. Во двор осторожно входит Мария Бонифатьевна. Увидела сына, замерла. Мать и сын молча смотрят друг на друга.

Мария Бонифатьевна (*робко, боясь подойти к сыну*). Здравствуй, Алешенька.

Алексей. Здравствуй.

Пауза.

Мария Бонифатьевна. Как ты здесь?

Алексей. Прекрасно.

Мария Бонифатьевна (*заплакала*). Я не буду... не буду... это само собой... Сухарики с изюмом... (*Протягивает Алексею пакет*.)

Он не берет, кладет его на камень.

Поешь... сама испекла... Я теперь все сама делаю — и стираю, и мою...

Пауза. Алексей молчит.

Папа изменился очень, похудел. Он тебе...

Алексей. Не надо.

Мария Бонифатьевна. Что не надо, Алешенька? Я только хотела сказать...

Алексей. Не надо.

Пауза.

Мария Бонифатьевна. Тебе хорошо здесь?

Алексей. Да.

Мария Бонифатьевна. Может, нужно что?

Алексей. Нет, ничего не надо.

Мария Бонифатьевна. А что делать собираешься?

Алексей. Не решил.

Мария Бонифатьевна. Решаешь?

Алексей. Да.

Мария Бонифатьевна. Ну, хорошо, хорошо, ты умненький, решиши. (*После паузы*.) Тоже похудел немножко. Кушаешь хорошо?

Алексей. Да.

Мария Бонифатьевна. Я вот прилетела... скучаю очень.

Пауза.

Лешенька, а куда ты ту штучку дел?

Алексей. Какую?

Мария Бонифатьевна. Ну.. с которой тогда из дома выбежал.

Алексей. Выбросил.

Мария Бонифатьевна. Верно?

Алексей. Да. Утопил в море.

Мария Бонифатьевна. Утопил?

Алексей. Утопил.

Мария Бонифатьевна. Алеша... только не сердись... Ты не хочешь ко мне переехать?

Алексей молчит.

Ну, поживи у Юрашки, поживи... Можно, я тебя поцелую?

Алексей молчит.

Напоминаю я тебе все... мучаю... Зарастет когда-нибудь, сыночек мой, зарастет... Потерпеть надо... Мне ничего не жалко... И не надо ничего. Только бы ты... (*Заплакала*.)

Алексей подошел к матери, поцеловал ее. Мария Бонифатьевна обхватила сына руками, держит, точно боится, что он вырвется. Алексей не шевелится.

Спасибо тебе, Лешенька, умненький мой... (Отпустила.) Лешечка, я кое-что из твоего привезла. Это не взяли... (Быстро скрылась и тут же вернулась с тем чемоданом, с которым приходила вначале. Открывает его. Там яркие, самые модные одежки.) Вот рубашечка, курточка твоя, любимая... брючки... (Одну за другой вынимает из чемодана вещи.)

Алексей. Убери...

Мария Бонифатьевна. Но, может быть...

Алексей. Убери..! Оболью бензином и сожгу.

Мария Бонифатьевна (другим тоном). Как хочешь, Алеша. Нам с папой они тоже без тебя не нужны... До свиданья... Я ждать буду. Терпеть... Сегодня улетаю.

Алексей. Сегодня?

Мария Бонифатьевна. Да, вечером.

Алексей. Счастливо.

Мария Бонифатьевна (вдруг кричит). Ты эгоист. Ты только о себе думаешь, о своей особе... Может быть, мне хуже твоего... Об отце не говорю, виноват, кругом виноват. Да..! Знаешь, что ему будет?.. Процесс... Хорошо, если решетка... (Почти шепотом, но злым и громким.) Может, и расстреляют...

Алексей. Ммм.

Мария Бонифатьевна. Да, да! (И вдруг.) Нет, нет, не его, не его..! Я знаю... мне говорили... не бойся... Ты ничего не бойся... обойдется... забудется..! О-о!

Алексей (подойдя к матери). Тихо ты... тихо...

Мария Бонифатьевна. Сбилась я, прости. Ухожу... самолет скоро, не опоздать бы... Лешенька, нас на земле сейчас только трое... остальных нет... (Еще раз обняла сына, поцеловала.) А ты, главное, будь здоров.

Алексей. До свиданья, мама.

Мария Бонифатьевна ушла. Алексей долго стоит задумавшись. Потом бросает взгляд на грудь вещей, наклоняется, берет куртку, шарит в карманах, вынимает из внутреннего кармана фото, смотрит на него, рвет на мелкие части. Из других карманов вынимает разные предметы — белоснежный платок с вензелем, красивую зажигалку, пачку сигарет. Вдруг резко, не поймешь — не то зло, не то весело — кричит.

Ольга!

Выходит Оля.

Видела? (Показывает на валяющуюся одежду.) Это я валяюсь. Мать привезала, привезла... Э-э-э, хочешь театр устрою?! (И, не дождавшись ответа, стал лихорадочно снимать с себя одежду и надевать ту, прежнюю. Во время переодевания приговаривает.) Так, в этой рубашоночке я как раз к Шурочке в последний раз на свиданку ходил... Батюшки, и ботиночки прихватила! Модный каблучок. А где же пестренький бантик? Вот он! Даже носочки! Все взяла... Нет, у мамы всегда был вкус... (Через одну-две минуты перед нами респектабельный современный молодой человек.) Ну, как я ретро? (Нервно вертится, скачет.)

Оля. Подожди, не прыгай!

Алексей замер, глаза его горят.

Какой ты красивый, Леша!

Алексей. А без этого обмундирования и не заметила?

И вдруг они как-то по-новому посмотрели друг на друга.

Нравлюсь, значит, в таком виде?

Оля. Да, очень.

Алексей (разрывает снизу до верха рубаху и отбрасывает). Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбит... Мы из этого имущества вечером маленько аутодафе устроим. Немножко бензинчика... (Швыряет вещи к пристройке. Идет в сарай.)

Оля за ним. В сарае все преобразилось. Оля навела порядок. Стол накрыт скатертью, на столе цветы. На плитке стоит чайник.

Оля. Нравится?

Алексей. С этого начинается все.

Оля. Отец рассказывал, когда их подразделение вошло в Варшаву, она была как после ужасного землетрясения. А под обломками его находили живых. Отец тоже искал. Говорит: вижу на камнях отбитая бутылка, в ней вода и цветочки стоят. Скорей искать! Нашли в подвале двоих детей...

Алексей. И ты мне... на развалины.

Оля. Уедем.

Алексей. Зачем?

Оля. Ты не виноват.

Алексей. Ты не знаешь. Знаю я.

Оля. Москва огромная. В ней никто никогда не догадается.

Алексей. Прятаться, значит?

Оля. Почему?

Алексей. А как же это назовешь?

Оля. Ну тогда выйди на площадь и кричи: я сын такого-то.

Алексей. Не могу. Не способен. Когда кожу сдирать будут, не выдержу. Лучше другое.

Оля. Что?

Алексей. Решу.

Оля. Что решишь?

Алексей. Что будет другим.

Оля. Поселишься пока у нас...

Алексей. На радость твоему папе.

Оля. ... Мама очень добрая... Поступишь учиться.

Алексей. Твой папа протолкнет?

Оля. Зарубцуется, Алеша.

Алексей. Я о другом думаю.

Оля. О чём?

Алексей. О ком.

Оля. О ком?

Алексей. Об отце.

Оля. У него другой характер, не твой.

Алексей. Я хочу облегчить ему жизнь... и матери.

Оля. Чем?

Алексей. Вот ты говорила — отрубали руку. Страшно! Топором! Руку. И все смотрят. Наказание!.. Как ты думаешь, вот тот, кого осудили — и правильно осудили!.. — когда руку уж отрубили... уже когда рука в сторону отлетела, кровь хлещет, все видели... к нему изменилось отношение?

Оля (подумав). Наверное, да.

Алексей. А точно?

Оля. Должно измениться. Жаль все-таки.

Алексей. А-а!.. И я так думаю... Ты читала... не помню в каком рассказе... на площади били вора, карманника, кажется, избивали... так часть людей бросилась вора защищать, да и автор писал с большим состраданием к этому вору. А если бы вора не били, воровал бы себе и воровал, никто бы ему не сочувствовал.

Оля. Твой отец наказан?

Алексей. Отрубили руку?

Оля. Ну, не руку. Ты хочешь, чтобы ему отрубили руку?

Алексей. Не то!

Оля. Ты безумный, Алеша!

Алексей. Нет, я умный. Я понял: мы несем грехи своих отцов в себе, внутри... Хотим избавиться... Берем на себя... Но я опять о себе. Об отце надо. Я тебе объясню точнее. Ты поймешь, если, конечно, не до конца отупела.

Оля. Что объяснишь?

Алексей. Потом, расскажу ясно, ясно, ребенок поймет.

Оля. Давай пить чай.

Алексей. Что?

Оля. Вон, чайник вскипел.

Алексей. А у вас дома есть серебряный самовар?

Оля. Откуда?

Алексей. Серебряная посуда полезна, серебро ионизирует, убивает вредные микробы.

Оля. Золото еще лучше.

Алексей. И золото убивает... Я помню, как этот самовар принесли. Подарили... Мы взяли. (Закрыл лицо руками.)

Оля. Ты забудь.

Алексей. Хорошо бы забить память гвоздями. Тук-тук, тук-тук, и нет памяти, чисто... Деревянные ложки, говорят, тоже полезны, особенно некрашеные.

Оля. У дерева свои целебные свойства.

Наладила стол. Две чашки, сахар, может быть, даже пирог. Сели за стол.

Алексей. Точно муж и жена.

Оля. Нравится?

Алексей. Теперь привязан к тебе.

Оля. Почему?

Алексей. Открылся. Я у тебя в плена.

Оля. Как ты все осложняешь, Алеша.

Алексей. Хочешь упрощения.

Оля. Я люблю тебя черненького.

Алексей. Не путаешь?

Оля. Что?

Алексей. Жалеешь.

Оля. Ну, пожалуйста, постараюсь потихоньку успокоить свой мозг.

Алексей. Не хочу. Нельзя!

Оля. Почему?

Алексей. Водки выпить, что ли! Тяпнуть пол-литра, и мир откроется в его простоте, первозданной ясности и даже веселье. Может быть, верно: самые счастливые — пьяные!

Оля. Может быть, и водки. Хочешь, куплю?

Алексей. Мелькало... Думал ударить этим огнетушителем. Но, зна-

ешь, как-то мерзко: я — алкоголик! Поработал, сбежал в магазинчик, купил бутылку, хлебнул из горлышка и эй-люли — жив! Главное — жить! Самое дорогое у человека — жизнь... Мне абсолютная ясность нужна.

Оля. Но, может, твоя ясность — тоже хмель?

Алексей. Не смей, не сбивай меня твоей трезвостью!

Оля. Если мы поженимся, то можешь взять мою фамилию.

Алексей. Схитрить? Спрятаться?

Оля. Пей чай.

Оля и Алексей сидят молча. Затмение.
Вечер. Зажжены огни. Во дворе за столом — трое — Юрий Константинович, Оля, Алексей — ужинают.

Тишина. Вдали музыка.

Юрий Константинович (Оле). Неплохой ты пирожок сварганила, Оля. Сама выдумала?

Оля. Мама научила.

Юрий Константинович. Тебе нравится, Алексей?

Алексей. Да, сладкий.

Входит Василий Прокофьевич. Он чем-то озабочен.

Юрий Константинович. Мы без тебя сели — поздно. Не обижаяешься?

Василий Прокофьевич. И правильно сделали. Встретил знакомого из министерства — болтались.

Юрий Константинович. Садись. Твоя дочь — кондитер. Волшебным пирожком собственного изделия угостила, пальчики облизываем. Василий Прокофьевич сел к столу. Оля принесла жаркое. Василий Прокофьевич ест.

Алексей. Спасибо, Юраша.

Юрий Константинович. На здоровье.

Алексей уходит в сарай.

Оля. Я тоже наелась. Спасибо.

Юрий Константинович. И тебе на здоровье.

Оля ушла в дом.

Василий Прокофьевич. Видел, он от меня как от какой-нибудь жабы. Ясно теперь, откуда у него этот гонор... бесится...

Юрий Константинович. Тихо ты!

Из дома вышла Оля, возможно, она успела переодеться, и прошла в сарай.

Василий Прокофьевич. Ну, что скажешь?

Юрий Константинович. Брось, Вася, брось! Давай честно — ты во сколько лет к барышням прикасался?

Василий Прокофьевич молчит.

Видишь, забыл даже. Ты что сегодня особо хмурый? Какие-нибудь неприятности от министерского узнал.

Василий Прокофьевич. Никакого министерского не видел. Людмила улетела.

Юрий Константинович. Как? Когда?

Василий Прокофьевич. В Москву. Прихожу в гостиницу —

ключ на месте и записка. Вот. (Читает.) «Срочно вызвали на работу. Людмила».

Юрий Константинович. Ну, значит, и вызвали срочно — у всех на работе ЧП бывает.

Василий Прокофьевич. Я же ее днем видел. Мы с Ольгой в универмаг ходили — босоножки там какие-то искали. Ну, Люду нос в нос встретили... «Здрасте! Здрасте!» — познакомил Люду с Олей. И все. Распрощались... Могла бы намекнуть, если уезжает.

Юрий Константинович. Так ей при дочери неловко было.

Василий Прокофьевич. А почему в записке слова «целую» нет?

Юрий Константинович. Утром позвонишь — все узнаешь.

Василий Прокофьевич (задумчиво). Может, действительно вызвали... (Ест.) Они всё там в сарае и проживают?

Юрий Константинович. Ну и что? С нами им, что ли, допотопные песни петь?

Василий Прокофьевич. Уж слишком быстро контакт устанавливается.

Юрий Константинович. Теперь так.

Василий Прокофьевич встал, хочет войти в сарай.

Не ходи, он не любит.

Василий Прокофьевич в нерешительности ходит по двору.
В сарае.

Оля. Ничего не решай быстро, Алеша.

Алексей. Ты на меня плохо действуешь.

Оля. Почему?

Алексей. Не знаю.

Оля. В каком смысле?

Алексей. Сбиваешь.

Оля подходит к Алексею, который сидит у стола, обнимает его, целует в губы.

Алексей крепко обнимает Олю.

Я не твой, я не твой!

Василий Прокофьевич (подошел к сараю, заглянул в щель. В ужасе). Они целуются! Какая пакость!

Юрий Константинович (радостно). Оживает, оживает!

Василий Прокофьевич (распахивает дверь сарая). Ольга! Марш отсюда немедленно!

Ольга выбегает во двор. Выходит Алексей.

Оля. Алеша, не обращай на него внимания!

Василий Прокофьевич. Как! Ты с этим подонком!

Юрий Константинович. Василий!

Василий Прокофьевич. Что — Василий, что?

Оля. Алеша, послушай...

Василий Прокофьевич (Алексею). Ты понимаешь, мерзавец, сбить с толку глупую девчонку...

Юрий Константинович. Васька, прекрати!

Василий Прокофьевич. Ольга! (Бежит в дом и выбрасывает на террасу чемодан и вещи.) Упаковывай! Завтра самым ранним в Москву.

Оля. Я не полечу.

Василий Прокофьевич. В шесть утра.

Оля. Если тебе приспично, пожалуйста. Я буду отдыхать. Мне здесь нравится.

Василий Прокофьевич. Ты поедешь со мной.

Оля. Ты полетишь один.

Василий Прокофьевич. Ты так считаешь?

Оля. Я так решила.

Василий Прокофьевич. Да? (Хватает ружье, стоящее на террасе. Поворачивается в сторону Алексея. Нелепо стучит ружьем об пол.)

Оля. Папа!

Алексей (почти в восторге). Давай, давай! Кабанчик! Кабанчик!

Юрий Константинович. Алексей, не бойся, не заряжено.

Алексей. Я не боюсь, Юраша.

Василий Прокофьевич. (дочери). Ты знаешь, кто его отец? Преступник... государственный... вор!

Юрий Константинович. Ты же на учителя учился, Васька!

Алексей (Василию Прокофьевичу). Она знает, папа. (Уходит в сарай.)

После вспышки все во дворе затихло. В сарае Алексей наклоняется, что-то достает из-под пола, кладет в карман, выдвигает ящик стола, берет листы бумаги, сует за пазуху.

Не надо больше меня искать, Юраша, не трать времени.

Юрий Константинович. Извини меня, Алексей.

Алексей. Все правильно, Юраша, — должное должно быть.

Юрий Константинович. Подожди хоть до утра. Ночь, темно.

Алексей. Это неважно. Я дорогу хорошо знаю. (Двинулся в гору.)

Ольга бросилась за ним.

Василий Прокофьевич. Ольга! Вернись, Ольга!

Юрий Константинович. Оставь ты их в покое, оставь!

Занавес

1981